

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
«ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГГ.»

ВЫПУСК 10

МОСКВА, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

- 3** Пономарев Н.А., методист Музея Победы
Пути пополнения личного состава партизанских отрядов в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. (на материалах источников личного происхождения)
- 28** Пономарев Н.А., методист Музея Победы
Организация процесса обучения курсантов аэроклубов ОСОАВИАХИМА в период 1939 – 1941 гг. (на материалах Верхнего Поволжья)
- 75** Белов С.И., к.и.н., ученый секретарь Музея Победы
Stalag XVIII-D (306) в Мариборе
- 81** Пономарев Н.А., к.и.н., методист Музея Победы
Освободительный фронт словенского народа
- 88** Лицарева (Балашова) А.Ф., руководитель музея «Имён связующая нить»
ГБПОУ Колледж «Царицыно»
Музей как транслятор знаний разных поколений

**Пути пополнения личного состава партизанских отрядов в период
Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. (на материалах
источников личного происхождения)**

Существует стереотип, согласно которому история партизанского движения на оккупированной территории СССР относится к сюжетам, хорошо изученным как отечественными, так и зарубежными исследователями. Историография данной темы действительно весьма обширна: интерес к истории партизанского движения велик как на постсоветском пространстве¹, так и за его пределами². Однако обозначенная точка зрения не вполне корректна.

¹ Абовян Е.Н. Партизанская борьба с оккупантами на Брянщине в период с ноября 1941 по май 1942 года // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 4. С. 79-82; Абрамов Е.П., Арутюнян В.М., Беляев А.Б., Михайлов А.А. Северо-Запад России в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. Санкт-Петербург, 2005; Азяский Н.Ф. Социальные истоки партизанского движения в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 2015. № 5 (373). С. 3-12; Андрей С. Операция «рельсовая война». 1943 год // Родина. 2015. № 5. С. 107-113; Андрианов В. И. Участие чекистов в партизанской борьбе в годы Великой Отечественной войны. М., 1990; Армстронг Дж. Советские партизаны. Легенда и действительность. 1941-1944. М., 2007; Басюк И.А. «Пересекать пути снабжения войск противника...». Белорусское партизанское движение в период великой отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2017. № 1. С. 10-15; Беляев А.С., Чуйков В.А. Деятельность партизан Курской области во время Великой Отечественной войны // Государство, общество и органы внутренних дел в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции преподавателей, адъюнктов, курсантов, слушателей и студентов. 2015. С. 41-46; Боярский В.И. Партизанская борьба в системе общественной безопасности: к теоретическому осмыслению уроков Великой Отечественной войны // Пространство и Время. 2014. № 2. С. 283-290; Веригин С.Г. Рейды партизан Карельского фронта на территорию Финляндии в 1942-1944 гг.: два взгляда на одну проблему // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2012. № 13. С. 323-341; Воробьев А.А. Боевая деятельность брянских партизан в годы Великой Отечественной войны: взгляд с советской и немецкой стороны // Studia internationalia. Материалы II международной научной конференции "Западный регион России в международных отношениях Х-XX вв.". 2013. С. 154-157; Воронкова И.Ю., Кузьменко В.И. Гитлеровская оккупация и начало антифашистской борьбы в Белоруссии в 1941 году // Новая и новейшая история. 2011. № 5. С. 102-138; Диксон, Ч.О., Гейльбурн О. Коммунистические партизанские действия. М., 1957; Зданович В.В. Партизанское движение периода Великой Отечественной войны в белорусской историографии 1990-2005 гг. // Военно-исторический журнал. 2008. № 11. С. 31-35; Йокубаускас В. Концепция партизанской войны в Литве в 1920- 1930-е годы // Балтийский регион. 2012. № 2 (12). С. 43-57; Князьков А.С. Начальник центрального штаба партизанского движения генерал-лейтенант П.К. Пономаренко: штрихи к портрету // Военно-исторический журнал. 2017. № 7. С. 73-80; Коровин В. В Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 1998; Кузьмичева Т.М. «Это не игра в словечки, не спор о терминах». дискуссия 1971-1972 гг. о характере партизанского движения в период великой отечественной войны // Исторический архив. 2005. № 2. С. 192-210; Литвинова О.Н. Партизаны и коммунистическая партия: особенности взаимодействия на оккупированных территориях брянщины в годы Великой Отечественной войны // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 2. С. 37-44; Минц М.М. Мусял Б. Советские партизаны, 1941-1944: мифы и реальность. (Реферат) // История России. Серия аналитических обзоров и сборников. 2015. Т. 2015. С. 79-90; Никифоров Ю.А. За линией фронта. оккупация и партизанское движение // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. № е2. С. 14; Пашин В.П. Органы контрразведки «СМЕРШ» в Курской битве // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2016. Т. 37. № 1 (222). С. 133-136; Пашков Р.В. Военно-политическая теория организации сопротивления // Современные

До сих пор остаются не вовлеченными в научный оборот целые пласты ценных исторических источников. На полноте изучения проблемы сказывается и то, что при изучении партизанского движения чаще всего используются лишь источники, оставленные одной из сторон конфликта. В результате отображение одних и тех же событий на страницах работ, например, российских и немецких авторов зачастую имеет мало общего. Пробелы в степени изученности темы также связаны со спецификой интересов авторов либо заказчиков исследований. Чаще всего в центр внимания попадают боевые операции, вопрос об уроне, нанесенном оккупантам, и противодействие немецкой стороны операциям партизан и подпольщиков. Прочие сюжеты освещаются по остаточному принципу, игнорируется то, что их изучение позволяет косвенным образом получить ответы на целый ряд концептуальных вопросов по истории партизанского движения.

В первую очередь это касается исторических мифов. За последние годы в ревизионистской литературе России, Украины и Белоруссии был сформирован целый комплекс мифов, касающихся истории партизанских

гуманитарные исследования. 2010. № 5. С. 137-148; Попов А.Ю. Партизаны и контрразведка в годы Великой Отечественной войны // Отечественная история. 2003. № 3. С. 123-128; Рычкова О.В. Другой фронт: партизанское движение в освещении американской прессы, 1941-1945 гг. // Американистика: актуальные подходы и современные исследования межвуз. сб. науч. тр. Под ред. Т.В. Алентьевой, М.А. Филимоновой. Курск, 2013. С. 115-121; Трифанков Ю.Т., Дзюбан В.В., Шанцева Е.Н. Исследование социальных процессов на Брянщине в период оккупации (1941-1943 гг.). Брянск, 2011; Федорченко С.Н. Стратегия и тактика советских партизан в годы Великой Отечественной войны // Политическая наука и современное общество. Сборник научных работ кафедры политологии и права Московского государственного областного университета. М., 2010. С. 89-94; Холод Л.А. Некоторые стороны быта населения партизанских краев на оккупированной территории Северо-запада РСФСР в годы Великой Отечественной войны (1941-1944 гг.) // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2010. № 32. С. 33-43; Христофоров В.С. Курская битва: новые документы о советской разведке и партизанском движении // Новая и новейшая история. 2013. № 4. С. 3-22; Цыбаков Д. Партизанское движение 1941-1945 гг. в фокусе современной информационно-психологической борьбы // Безопасность Евразии. 2015. № 2 (50). С. 103-107; Шагланов А.Н. Крым и его освобождение (1941-1944). Новосибирск, 2015;

² Glantz D., Orenstein H. Belorussia 1944: The Soviet General Staff Study. London, 2001; Howell E. The Soviet Partisan Movement 1941 – 1944. Washington, 1956; Mulligan T. The Politics of Illusion and Empire. German Occupation Policy in the Soviet Union 1942-1943. New-York, 1988; Shepherd B. War in the Wild East: the German Army and Soviet Partisans. Cambridge, 2004; Slepian K. Why they fought: motivation, legitimacy and the Soviet Partisan Movement. Washington, 2003; Musial B. Sowjetische Partisanen 1941-1944: Mythos und Wirklichkeit. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2009; Richter E. «Herrenmensch» und «Bandit» : Deutsche Kriegsführung und Besatzungspolitik als Kontext des sowjetischen Partisanenkrieges (1941-44). Münster, 1998; Lubbers G. C. U. Partisanenkrieg und Judenvernichtung während des Russlandfeldzuges und in Serbien 1941-1944. Münster, 1998; Umbreit H. Der Krieg an der «zweiten Front»: die Bekämpfung der Partisanen // Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 5/2. Stuttgart, 1999. S. 153-181.

отрядов. Их членов позиционируют то в качестве мародеров и насильников, то в качестве «агентов Москвы», не имевших никакого отношения к мирному населению. Общим местом в работах недобросовестных публицистов также стал тезис о том, что партизаны осознанно провоцировали нападения карателей на деревни. Утверждается, что за счет этого партизаны обеспечивали себя новыми кадрами и настраивали местное население против оккупантов³.

Прямое разоблачение этих мифов требует существенных временных затрат. Для того, чтобы вскрыть недостоверность всего нескольких строк в работе фальсификатора, исследователю могут потребоваться материалы нескольких фондов в разных федеральных архивах, данные, полученные от участников или очевидцев событий, консультации со специалистами в области вооружений, перевод редких работ зарубежных авторов. В результате к моменту выхода научной публикации, разоблачающей миф, последний может уже обрести популярность и укорениться в сознании граждан.

Оперативно отреагировать на разного рода информационные вбросы часто позволяет косвенная информация. Например, если имеются достоверные сведения о том, что большинство членов определенного партизанского отряда состояли в кровном родстве с местными жителями, любые сообщения о провокации карательных операций сразу же вызывают сомнения даже у самого неискушенного обывателя.

В свете данных фактов информация о том, какие пути и способы пополнения личного состава использовались партизанами, представляет собой значительную ценность как с позиции восполнения лакун, существующих в системе знаний относительно истории данного движения, так и с точки зрения разоблачения исторических мифов.

³ Петровская О.В. Белоруссия. Не отдадим Победу! // Наследники Победы и поражения. Вторая мировая война в исторической политике стран СНГ и ЕС. М.: РИСИ, 2015. С. 145 – 147.

Объектом представленного исследования является партизанское движение на территории СССР в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. (В соответствии со сложившимися в советской и российской историографии традициями интерпретации понятий, представители вооруженных формирований и подпольных групп украинских, белорусских, польских и прибалтийских националистов и коллаборационистов не рассматриваются в качестве партизан).

В качестве предмета изысканий в данной работе выступают пути и способы пополнения личного состава партизанских отрядов в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.

В качестве основного источника при написании данного исследования использовались источники личного происхождения, преимущественно – глубинные интервью ветеранов партизанского движения, записанные уже в постсоветский период сотрудниками проекта «Я помню». Общий размер изученной выборки составляет 112 интервью, из них 18 активно цитируются в тексте представленной статьи. Выборка, сформированная представителями проекта «Я помню», носит целенаправленный характер и выстраивается в соответствии с принципами теоретической выборки Б. Глезера и А. Страуса. В структуре выборки наличествуют гомогенные блоки, что, в соответствии с принципами культурной модели консенсуса А.К. Ромни, В. Батчелдера и С. Веллера, дает возможность делать репрезентативные выводы на основе анализа и интерпретацию содержащейся в них информации. (В соответствии с данным подходом, при гомогенной выборке для перехода к анализу и интерпретации данных необходимо менее 10 интервью)⁴.

Целью данного исследования является реконструкция системы комплектования партизанских отрядов в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.

⁴ Штейнберг И.Е. Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «восьмиоконная» модель // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2014. № 38. С. 44, 47 – 49.

Также в основу фактологического фундамента представленного исследования вошли письма и мемуары партизан, хранящиеся в фондах Музея Победы⁵.

Методологическая база исследования была сформирована за счет использования системного, дихронного и синхронного анализа, биографического метода, элементов конкретно-исторического и ситуационного подходов.

Перечень источников кадров для партизанских отрядов

Изучение выявленного корпуса источников позволило выявить 7 основных источников кадров для партизанских отрядов. В этом качестве выступали:

- 1) члены диверсионно-организационных отрядов НКВД;
- 2) вошедшие в состав подполья по указанию политического руководства партийные и советские активисты;
- 3) бойцы истребительных батальонов;
- 4) т.н. «окруженцы», т.е. советские военнослужащие, попавшие в окружение и оторвавшиеся от своих соединений. Последних можно подразделить на две категории – представителей действующей армии и т.н. примаков (прымаков). Под последними понимались «окруженцы», снявшие военную форму и скрывавшиеся среди местных жителей без регулярной смены места проживания. При этом их далеко не всегда воспринимали в качестве «окруженцев». Можно предположить, что многие из «примаков» при вступлении в партизаны скрывали факт пребывания в Красной Армии, опасаясь наказания за дезертирство. Ни в коем случае не следует воспринимать всех без исключения примаков как дезертиров. Зачастую «переход к мирной жизни» использовался только как средство укрыться от преследований оккупантов и выиграть время

⁵Воспоминания участников Великой Отечественной войны. Партизаны. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/>; ЦМБОВ. Ф. 1. Оп. 2.

для организации сопротивления. Именно такой тактикой пользовались, в частности, создатели партизанского отряда «Котовский», действовавшего в Володарско - Волынском районе Житомирской области⁶;

- 5) беглые военнопленные;
- 6) местное население;
- 7) перешедшие на сторону партизан коллаборационисты.

Отсутствие единой схемы комплектования

Необходимо подчеркнуть, что не существовало некой единой схемы источников комплектования всех партизанских отрядов. В зависимости от конкретных условий, в которых действовали партизаны, структура и иерархия источников кадрового пополнения могла меняться принципиальным образом. Например, в Смоленском партизанском полку И. Ф. Садчикова, как вспоминает Е.И. Хромова, почти отсутствовали бойцы Красной Армии, оказавшиеся в окружении, а само соединение состояло преимущественно из местных жителей. В то же время А.Л. Шер указывает, что один из отрядов, на базе которого была сформирована партизанская бригада им. В.И. Ленина, на 80% был сформирован из кадровых военных-окруженцев. В то же время среди его членов отсутствовали диверсанты, заброшенные с «большой земли»⁷.

Комиссар Алуштинского отряда И.И. Купреев упоминает о том, что костяк соединения был сформирован за счет бойцов истребительных батальонов и местных активистов⁸. По воспоминаниям С.И. Гейсмана, в

⁶ Бохан Иван Павлович. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/bokhan-ivan-pavlovich/>; Маргулис Иосиф Ильич. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/margulis-iosif-ilich/>; Шер Арон Лазаревич. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/sher-aron-lazarevich/>; Беренштейн Леонид Ефимович. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/berenshteyn-leonid-efimovich/>; Маргулис Иосиф Ильич. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/margulis-iosif-ilich/>; Шепетинский Яков Исаакович. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/shepetinskiy-yakov-isaakovich/>; Шмеркин Абрам Тевелевич. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/shmerkin-abram-tevelevich/>; Шер Арон Лазаревич. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/sher-aron-lazarevich/>; Асташинский Абрам Исаакович. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/astashinskiy-abram-isaakovich/>; Зимак Захар Ошерович. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/zimak-zakhar-osherovich/>

⁷ Хромова (Гращенко) Екатерина Ивановна. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/khromova-graschenkova-ekaterina-ivanovna/>

⁸ ЦМБОВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1877. Л. 1 – 3.

партизанском отряде А.Е. Попруги первые профессиональные диверсанты, переброшенные через линию фронта, появились только в первой половине мая 1942 г. На тот момент основу отряда составляли «окруженцы» и примачи⁹.

Источники комплектования одного и того же соединения могли существенно меняться в зависимости от временного периода. В частности, после того, как весной 1943 г. в Пинских лесах прошли масштабные карательные акции оккупантов, среди местных партизан резко выросла доля крестьян, проживавших ранее в сожженных деревнях. Позднее в районах, в которых партизаны провозгласили установление советской власти, начали открываться «бригадные военкоматы», и ряды бойцов стали пополняться мобилизованными местными жителями. По мере приближения фронта к районам действия партизан к последним также начали присоединяться небольшие группы «зеленых» (их в обязательном порядке проверяли сотрудники особого отдела). К этому же периоду ветераны партизанского движения относят случаи появления перебежчиков из числа граждан СССР, служивших в «восточных батальонах» и соединениях РОА¹⁰.

По воспоминаниям А.И. Лоханина, партизанский отряд «За родину» возник следующим образом. Сначала А.И. Лоханин, попав в окружение и потеряв связь со своей частью, был вынужден осесть одном из ближайших сел. Там он познакомился, при помощи местного школьного учителя, с другими «окруженцами», скрывавшимися от оккупационных властей. К ним также начали примыкать местные коммунисты и комсомольцы. Впоследствии, в январе 1942 г., партизаны повстречали еще одну группу окруженцев из 60 человек. Весной в отряд также начали вливаться рабочие из Ярославля¹¹.

Показателен также пример партизанского движения в Крыму. На начальном этапе его развития в отрядах преобладало местное население,

⁹ ЦМБОВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 712. Л. 1 – 4.

¹⁰ Шер Арон Лазаревич. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/sher-aron-lazarevich/>

¹¹ ЦМБОВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2069. Л. 3, 4.

однако ближе к освобождению полуострова большую часть партизан составляли уже «окруженцы» и заброшенные с «большой земли» диверсанты¹².

Диверсионно-организационные группы НКВД как источник комплектования

В идеальных условиях диверсионно-организационные группы НКВД забрасывались в тыл противника единой группой и начинали действовать как монолитный отряд, обладающий необходимым материально-техническим обеспечением. Группа превращалась в организационное ядро нового партизанского отряда, быстро «обрастающее» попавшими в окружение военными, подпольщиками и добровольцами из числа местных жителей¹³.

В качестве конкретного примера в данном случае можно привести историю создания Смоленского партизанского полка И. Ф. Садчикова. Как вспоминает Е.И. Хромова, история этого соединения началась с того, что на территорию Смоленской области была заброшена группа из 8 человек. Передвигаясь между деревнями, в которых отсутствовали немецкие гарнизоны, И. Ф. Садчиков и его подчиненные сумели за 2 месяца нарастить численность отряда до 1 200 человек¹⁴.

Заброшенная на территорию Польши в мае 1944 г. группа Л.Е. Бернштейна насчитывала всего 10 человек, однако через месяц созданный на ее основе отряд насчитывал уже 200 бойцов¹⁵.

Однако на практике диверсанты могли разделиться при десантировании (что часто подразумевало и потерю груза в виде продовольствия, медикаментов и т.д.). В этих условиях, как вспоминает А.М. Школенко, диверсанты были вынуждены отказываться от первоначальных

¹² Шер Арон Лазаревич. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/paramonov-mikhail-fedorovich/>

¹³ Шер Арон Лазаревич. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/eliseev-nikolay-sergeevich/>; Хромова (Гращенко) Екатерина Ивановна. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/khromova-graschenkova-ekaterina-ivanovna/>

¹⁴ Хромова (Гращенко) Екатерина Ивановна. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/khromova-graschenkova-ekaterina-ivanovna/>

¹⁵ Бернштейн Леонид Ефимович. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/berenshteyn-leonid-efimovich/>

планов. Потеряв связь между собой, они становились уязвимыми для оккупантов (как правило, организовывавших поиск парашютистов), и первой их задачей становилось индивидуальное выживание. Решить ее в большинстве случаев позволяла помощь местного населения, представители которого также помогали диверсантам найти канал связи с партизанами. Вслед за этим диверсанты вливались в отряд в качестве инструктора или одного из командиров¹⁶.

Подполье как источник комплектования

Подполье, как правило, использовалось партизанами для сбора информации и вербовки новых членов, но в отдельных случаях его использовали и в качестве источника для пополнения боевых отрядов. Так, как вспоминает Б.С. Осипов, к этой мере прибегали партизаны, действовавшие в районе села Плужное (райцентр Каменец-Подольской области). В отряды партизан направляли преимущественно наиболее молодых и физически здоровых подпольщиков, а также людей, находившихся под угрозой ареста полицией¹⁷.

Истребительные батальоны как источник комплектования

Упоминая о случаях развертывания партизанских отрядов на основе истребительных батальонов (военизированных добровольческих отрядов, созданных для борьбы с диверсантами и парашютистами), необходимо упомянуть, что далеко не все их члены автоматически становились партизанами¹⁸. В качестве конкретного примера отсева бойцов можно привести факты, описанные в мемуарах Т.Ф. Балавенской. Как указано в данном источнике, роль основы для создания Тучковского партизанского отряда (действовавшего в Рузском районе Московской области) сыграл

¹⁶ Школенко Алексей Михайлович; <https://iremember.ru/memoirs/partizani/shkolenko-aleksey-mikhaylovich/>; <https://iremember.ru/memoirs/partizani/zhidkova-solomonova-nina-ivanovna/>.

¹⁷ Осипов Борис Степанович. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/osipov-boris-stepanovich/>

¹⁸ Магометов А.А. Вклад отрядов народного ополчения, истребительных батальонов, милиции, партизан в дело разгрома немецко-фашистских войск под Владикавказом в 1942 году // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2017. № 1. С. 35-43; Шанцева Е.Н. Начальный этап партизанского движения на Брянщине // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2012. Т. 18. № 4. С. 55-58.

истребительный батальон. При этом далеко не всех его бойцов взяли в состав отряда. Предварительно был проведен опрос его членов, и лишь добровольно согласившиеся участвовать в борьбе с оккупантами были зачислены в партизаны¹⁹.

«Окруженцы» как источник комплектования

В воспоминаниях участников партизанского движения нет однозначной оценки роли такого источника пополнения личного состава, как выходящие из окружения военные в 1941 г. Например, А.П. Кожара и А.П. Пятак упоминают об активном участии «окруженцев» в деятельности партизан²⁰. В то время как Е.И. Хромова отмечает, что они редко присоединялись к партизанам и в массе своей уходили за линию фронта, чтобы присоединиться к действующей армии²¹. Можно было бы предположить, что разница в оценках связана со спецификой ситуации на отдельных территориях. В частности, в случае А.П. Кожары речь идет о партизанском движении в Сумской области, А.П. Пятака – в Полтавской области, а Е.И. Хромовой – о Смоленской области. Однако ознакомление с биографией Н.И. Жидковой опровергает эту гипотезу. Нина Ивановна вспоминает, что в 16-ю Смоленскую партизанскую бригаду, действовавшую в том же регионе, что и отряд Е.И. Хромовой, входили почти исключительно военнослужащие, попавшие в окружение²². Объяснить обозначенную разницу в оценках воздействием временного фактора невозможно. А.П. Кожара, А.П. Пятак, Е.И. Хромова в своих воспоминаниях описывают реалии одного и того же периода (лето – осень 1941 г.), в то время как «окруженцы», описанные Н.И. Жидковой, могли потерять связь с основными силами

¹⁹ ЦМБОВ. Ф. 1. Оп. 2. ВХ – 01298/9. Л. 2 – 7.

²⁰ Кожара Алексей Павлович. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/kozgara-aleksey-pavlovich/>; Пятак Александр Петрович. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/pyatak-aleksandr-petrovich/>

²¹ Хромова (Гращенко) Екатерина Ивановна. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/khromova-graschenkova-ekaterina-ivanovna/>

²² Жидкова (Соломонова) Нина Ивановна. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/zhidkova-solomonova-nina-ivanovna/>

Красной Армии самое позднее в октябре 1941 г., во время Вяземской операции²³.

На этом фоне логичным представляется объяснение описанной ситуации сквозь призму тезиса об отсутствии универсальных схем комплектования отрядов, использовавшихся хотя бы в пределах одного региона.

Более точно оценить роль «окруженцев» как ресурса для пополнения партизанских отрядов позволяет количественный анализ. Ознакомление с воспоминаниями 112 партизан, размещенными в Интернете создателями проекта «Я помню», показало, что присутствие в отрядах партизан значительного количества выходивших из окружения военнослужащих упоминается в 40 случаях (36 %).

При оценке этого показателя необходимо учитывать, что «окруженцы» в большинстве отрядов играли особую роль. У них имелась военная подготовка, по причине чего зачастую они занимали в отрядах роль командиров, комиссаров или инструкторов. По воспоминаниям А.И. Асташинского, в отряде «За освобождение Белоруссии» «окруженцы», считавшиеся лучшими бойцами соединения, были объединены в свою отдельную ударную роту²⁴. Важно помнить и о том, что зачастую «окруженцы» формировали обособленные подразделения, попасть в которые гражданским было достаточно сложно (в качестве примеров можно привести упомянутую выше 16-ю Смоленскую партизанскую бригаду и бригаду «Звезда», действовавшую в Могилевской и Витебской областях Белоруссии). Интересно отметить, что в подразделениях, сформированных окруженцами, зачастую сохранялись не только военная дисциплина и субординация, но

²³ Жидкова (Соломонова) Нина Ивановна. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/zhidkova-solomonova-nina-ivanovna/>; Пятак Александр Петрович. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/pyatak-aleksandr-petrovich/>; Кожара Алексей Павлович. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/kozhara-aleksey-pavlovich/>.

²⁴ Асташинский Абрам Исаакович. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/astashinskiy-abram-isaakovich/>

также ношение формы и знаков различия (как в упомянутой 16-й Смоленской партизанской бригаде)²⁵.

Интересно отметить, что далеко не все красноармейцы, оказавшиеся в тылу врага, рассматривали для себя возможность перейти к партизанским действиям. Даже в самых тяжелых условиях многие из «окруженцев» упорно стремились воссоединиться со своими частями.

Например, в истории партизанского отряда «Борцы за свободу» имел место следующий эпизод. Партизаны встретили в лесу двух летчиков, сбитых над оккупированной территорией. Те не владели навыками, которые на то время были важны для партизан, потому решили самостоятельно пробираться в сторону линии фронта²⁶.

В воспоминаниях И.С.Макарова упоминается эпизод встречи бойцов Дмитровского отряда с группой из 500 бойцов и командиров 148-й стрелковой дивизии, попавшей в окружение. Военнослужащие не стали присоединяться к партизанам, но при их помощи соединились с действующей армией²⁷.

Бежавшие из плена военнослужащие как источник комплектования

В роли важного источника пополнения личного состава партизанских отрядов также зачастую играли бежавшие из плена военнослужащие. Так, по воспоминаниям ветеранов, военнопленные, наряду с «окруженцами», составляли костяк отрядов им. Николая Шиша и им. Г.И. Котовского входивших в состав Пинского партизанского соединения²⁸. А.Ф. Андреева также отмечала, что в Южном соединении партизан Крыма к военнопленным относились с доверием и уважением. Эта особенность восприятия пленных объяснялась, с одной стороны, наличием у них военной подготовки, а с

²⁵ Жидкова (Соломонова) Нина Ивановна. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/zhidkova-solomonova-nina-ivanovna/>

²⁶ ЦМБОВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1904. Л. 4, 5.

²⁷ ЦМБОВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2163. Л. 3.

²⁸ Циклин Наум Ильич. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/tsiklin-naum-ilich/>; Исерс Григорий Израилевич. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/isers-grigoriy-izrailevich/>

другой – тем, что партизаны сами активно способствовали побегу многих из них²⁹. В партизанские отряды военнопленные попадали либо следуя указаниям местных жителей, либо благодаря подпольщикам, которые укрывали беглецов у себя³⁰.

Местные жители как источник комплектования

Значимым ресурсом для пополнения партизанских отрядов на всем протяжении войны оставались сельские жители, в особенности – представители молодежи, массово скрывавшиеся в лесах от отправки на работы в Германию³¹.

Описывая формирование Клетнянской бригады им. А.М. Еремина, действовавшей в Брянских лесах, М.А. Земляков указывает, что местное население в массовом порядке присоединялось к отряду. Так, за 3 – 4 ночи группа А.М. Еремина обошла 5 деревень, а ее ряды успели пополниться на 400 человек³².

Как вспоминает М.Е. Атрашкевич, выйти на связь с партизанами было достаточно просто. Бойцы сопротивления остро нуждались в поддержке местных жителей, и потому были вынуждены выстраивать разветвленную сеть контактов среди мирного населения.³³

Между партизанами и местными жителями возникала тесная взаимосвязь, проявлявшаяся наиболее наглядно в организации быта бойцов сопротивления. И.С. Макаров, партизан Дмитровского отряда I Курской бригады, упоминает о том, что партизаны периодически покидали отряд, чтобы посетить своих знакомых или родных в ближайшем населенном пункте, чтобы помыться или сменить белье³⁴. Как пишет С.Е. Либинзон, в партизанском отряде им. Чапаева практиковалась отправка бойцов на деревенские мельницы с целью смолотить зерно. Также ветеран указывает, что

²⁹ Андреева Александра Федоровна. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/andreeva-aleksandra-fedorovna/>

³⁰ Хоняк Анатолий Семенович. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/khonyak-anatoliy-semenovich/>

³¹ Пятак Александр Петрович. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/pyatak-aleksandr-petrovich/>

³² ЦМБОВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1309. Л. 1.

³³ Атрашкевич Михаил Евдокимович. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/atrashkevich-mikhail-evdokimovich/>

³⁴ ЦМБОВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2163. Л. 1.

во время пребывания отряда в деревнях местные жители готовили партизанам пищу и стирали белье³⁵.

Важно отметить, что зачастую желающие присоединиться к движению сопротивления устанавливали контакты с партизанами благодаря родственникам или близким друзьям, уже вовлеченным в работу подполья³⁶. Когда Н.И. Жидковой потребовалось скрыться среди партизан, выйти на бойцов сопротивления ей опять же помогли родственные и дружеские связи: у ее бабушки в соседней деревне жил знакомый, сын которого состоял в партизанском отряде³⁷.

Такого рода система набора новых членов (выстроенная по принципу «снежного кома») при всей своей простоте имела ряд существенных достоинств. Во-первых, снижались риски доноса на вербовщика. Во-вторых, минимизировался риск возникновения межличностных конфликтов между партизанами. Последнее весьма важно: по воспоминаниям ветеранов, стычки между членами отрядов происходили даже во время выполнения задания, а в некоторых случаях личная неприязнь оборачивалась «дружеским огнем в спину»³⁸. В то же время у нее имелись и очевидные недостатки: при аресте одного партизана было достаточно просто проверить круг его близких знакомых, чтобы выявить других участников сопротивления.

В качестве подтверждения личности потенциального члена отряда использовались как официальные документы (советские и оккупационные), так и свидетельства лично знакомых с ним подпольщиков и партизан. Например, попасть в ряды партизан Н.С. Слоущу помогло наличие в отряде его давнего знакомого из Минска³⁹.

Участники партизанского движения неоднократно упоминают, что на ранних этапах его развития одним из условий вступления в отряд являлось

³⁵ ЦМБОВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1995. Л. 1, 2.

³⁶ Король Николай Федорович. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/korol-nikolay-fedorovich/>

³⁷ Жидкова (Соломонова) Нина Ивановна. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/zhidkova-solomonova-nina-ivanovna/>

³⁸ Исерс Григорий Израилевич. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/isers-grigoriy-izrailevich/>; Асташинский Абрам Исаакович. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/astashinskiy-abram-isaakovich/>

³⁹ Слоущ Наум Самойлович. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/sloushch-naum-samoylovich/>

наличие у добровольца собственного стрелкового оружия. Данный подход был обусловлен дефицитом оружия и боеприпасов. Не имея ни того, ни другого, новый боец в принципе не мог участвовать в боевых операциях, в силу чего превращался в обузу для отряда. Как отмечает Н.С. Елисеенко, у партизан, имевших связь с «большой землей», имелась возможность запросить отправку дополнительной партии оружия. Но сроки ожидания могли растянуться до 7 – 14 дней⁴⁰. Вероятнее всего, организация внепланового рейса с оружием повышала риски как раскрытия местоположения партизан, так и уничтожения самолета.

В отдельных случаях человек стать членом отряда, даже не имея стрелкового оружия. Но, несмотря на это, он наравне со всеми участвовал в боевых операциях. Единственным средством борьбы с противником для него в этом случае оставались гранаты (об этом упоминает боец Клетнянской бригады М.А. Земляков) либо, вероятно, холодное оружие⁴¹.

Н.С. Слоущем упоминаются эпизоды, когда партизаны отказывались принимать в отряд новых членов в условиях блокады. В этой ситуации партизанам было необходимо оперативно прорываться из окружения, и потому новые члены, как правило, необученные и безоружные, лишь затрудняли бы эту задачу⁴².

Желавшие присоединиться к партизанам горожане, не имевшие связи с подпольем, больше всего рисковали при попытке присоединиться к сопротивлению. Их положение затрудняло не только отсутствие личных контактов с партизанами или лицами, им сочувствовавшим, но и отсутствие знаний о местности и навыков выживания в лесу. Последнее заметно снижало шансы горожан встретиться с партизанами, одновременно повышая риск столкнуться с оккупантами или полицией, либо банально заблудиться в лесу, столкнуться с дикими зверями или утонуть в болоте.

⁴⁰Елисеев Николай Сергеевич. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/eliseev-nikolay-sergeevich/>; Исерс Григорий Израилевич. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/isers-grigoriy-izrailevich/>

⁴¹ЦМБОВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1309. Л. 2.

⁴²Слоущ Наум Самойлович. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/sloushch-naum-samoylovich/>

Ситуацию усугубляло отсутствие кровнородственных или дружеских связей с местными жителями, которые могли бы указать месторасположение партизан. Как вспоминает Н.С. Слоущ, встреченные им крестьяне были готовы самое большее указать верное направление движения (на запад/на юг и т.д.). Предоставить более точную информацию представители местного населения опасались: помощь чужому для них человеку могла обернуться наказанием в виде сожжения деревни⁴³.

Отсутствие контактов с местным населением в отдельных случаях оборачивалось применением насилия со стороны пытавшихся присоединиться к партизанам горожан. По свидетельству Н.С. Слоуща, голод и страх быть выданным полиции вынуждали его использовать угрозы по отношению к местным жителям⁴⁴. В частности, чтобы выжить, он заходил ночью на хутора и, угрожая пистолетом, требовал у хозяев еду и сведения о местности⁴⁵.

Важно отметить, что партизанские отряды активно пополнялись за счет местного населения не только на территории СССР. В частности, действовавшие на территории Польши диверсионно-организационные группы активно вовлекали в свои ряды местных жителей. Для обеспечения этого направления работы партизаны регулярно снабжались деньгами (предназначенными для приобретения продовольствия), оружием, боеприпасами и медикаментами, безвозмездно передававшимися членам местного сопротивления. За счет этого в сознании местных жителей формировался положительный образ советских партизан, что мотивировало первых к участию в разнообразных формах сотрудничества со вторыми⁴⁶.

Раскаявшиеся и пленные коллаборационисты как источник комплектования

⁴³ Слоущ Наум Самойлович. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/sloushch-naum-samoylovich/>

⁴⁴ Слоущ Наум Самойлович. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/sloushch-naum-samoylovich/>

⁴⁵ Слоущ Наум Самойлович. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/sloushch-naum-samoylovich/>

⁴⁶ Беренштейн Леонид Ефимович, продолжение. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/berenshteyn-leonid-efimovich-prodolzhenie/>

Ветераны партизанского движения упоминают также о включении в ряды партизан сдавшихся полицаяв. Так, А.Л. Шер упоминает о том, что бригаде им. В.И. Ленина одномоментно сдалась рота полицаяв из 70 человек, многие из которых после проверки присоединились к отряду. Участие бывших полицаяв в акциях партизан упоминает и Н.С. Задерновский. Впрочем, данная практика была распространена далеко не везде. По воспоминаниям Г.И. Исерса, его товарищи брали в плен немецких военнослужащих, но всех без исключения полицаяв убивали после короткого допроса. Вопрос о принятии их в отряд в принципе не поднимался⁴⁷.

Отличия в подходах к рекрутированию сдавшихся полицаяв, очевидно, было связано со спецификой состава отряда, степенью вовлеченности пособников в карательные операции оккупантов и размерами агентурной сети партизан среди коллаборационистов.

Многие соединение практиковали активное внедрение своих людей в ряды полиции. В отряде «За освобождение Белоруссии» (Чкаловская партизанская бригада) один из таких бывших агентов даже возглавлял т.н. «семейное подразделение» (в него входили родственники партизан, скрывавшиеся вместе с ними в лесах)⁴⁸.

Как вспоминает А.С. Билет-Годлевская, в ее родном селе Скочище (Попельнянского района Житомирской области) полиция была сформирована преимущественно из просоветски настроенной молодежи. Стать полицаями молодых людей уговорил ее отец – бывший инструктор райисполкома и красный партизан, впоследствии ставший одним из лидеров местного подполья. Показательно и то, что первым шагом созданной в селе подпольной группы стало решение о внедрении двух агентов в житомирскую полицию⁴⁹.

⁴⁷ Шер Арон Лазаревич. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/sher-aron-lazarevich/>; Исерс Григорий Израилевич. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/isers-grigoriy-izrailevich/>; Задерновский Николай Семенович. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/zadernovskiy-nikolay-semenovich/>

⁴⁸ Асташинский Абрам Исаакович. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/astashinskiy-abram-isaakovich/>

⁴⁹ Билет-Годлевская (Коваль) Анна Степановна. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/bilet-godlevskaya-koval-anna-stepanovna/>

Чаще всего такого рода меры давали ощутимый эффект: агенты поставляли партизанам не только информацию, но еще и оружие и боеприпасы. Также отдельные полицаи и старосты, не желая превращаться в объект охоты со стороны партизан, по собственной инициативе начинали сотрудничать с сопротивлением⁵⁰.

В воспоминаниях Н.И. Жидковой указано, что в деревни Гили (Чашниковский район Витебской области) полицию возглавил директор местной школы, а под началом у него состояли десятиклассники. Все местные полицаи без исключения являлись подпольщиками и занимались доставкой оружия для партизан⁵¹.

По воспоминаниям Е.И. Хромовой, смоленские партизаны даже агитировали полицаев из числа своих знакомых присоединиться к сопротивлению. Местное население в целом не испытывало враждебности к советскому строю, и большинство полицаев сотрудничало с оккупантами скорее из страха (служба оккупантам спасала их семьи от реквизиций). Благодаря этому в регионе сложились благоприятные условия для агитации среди полицейских. Представители подполья устанавливали связь с лично знакомыми им полицаями, уговаривали присоединиться к партизанам и, при соблюдении некоторых условий (перебежчик должен был сам сагитировать и привести с собой еще 7 – 8 человек) проводили их на лесные базы сопротивления⁵².

Как упоминает И.С. Макаров, в Дмитровском партизанском отряде издавались специальные листовки, обращенные к полицаям: их призывали обратить оружие против оккупантов, тем самым искупив вину⁵³.

⁵⁰Осипов Борис Степанович. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/osipov-boris-stepanovich/>

⁵¹ Жидкова (Соломонова) Нина Ивановна. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/zhidkova-solomonova-nina-ivanovna/>

⁵² Хромова (Гращенкова) Екатерина Ивановна. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/khromova-graschenkova-ekaterina-ivanovna/>

⁵³ЦМБОВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2163. Л. 3.

Вполне естественно, что для отрядов, практиковавших такие методы, сам по себе факт пребывания человека среди сотрудников полиции не являлся клеймом, которое можно смыть исключительно кровью.

Совершенно иное отношение к лицам, побывавшим в рядах пособников оккупантов, сложилось в отрядах, члены которых пострадали от рук коллаборационистов. Так, непримиримую позицию по отношению к полицаям занимали члены соединений, в которых массово присутствовали этнические евреи. Стремясь отомстить за участие в массовом истреблении обитателей гетто, жертвы оккупантов иногда распространяли свою месть не только на коллаборационистов, но и членов их семей. Вполне естественно, что включение в ряды таких отрядов бывших полицаев было либо невозможно, либо чревато серьезными конфликтами⁵⁴.

Специфические источники комплектования

В отдельных случаях командиры партизанских отрядов были вынуждены принимать под свое руководство маргинальные элементы. В частности, к отряду им. Николая Шиша присоединилась скрывавшаяся в лесах группа профессиональных преступников из Киева, Одессы и Харькова. Чтобы предотвратить разложение своего соединения, командир М.И. Герасимов сразу же установил жесткий дисциплинарный режим – за пьянство, сон на посту и аналогичные нарушения вновь прибывших расстреливали на месте⁵⁵.

Отдельно следует упомянуть о специфике состава карельских партизан. Финские оккупанты отправили большую часть местного населения в концентрационные лагеря, в силу чего использовать жителей республики в качестве источника пополнения своих рядов партизаны не имели возможности. По этой причине действовавшие на севере партизанские отряды формировались в советском тылу. В их состав набирались сотрудники милиции, партийные, комсомольские и советские активисты,

⁵⁴ Шепетинский Яков Исаакович. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/shepetinskiy-yakov-isaakovich/>

⁵⁵ Исерс Григорий Израилевич. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/isers-grigoriy-izrailevich/>

руководящие работники предприятий, а также технические специалисты, включая инженеров. Использовался также такой ресурс, как заключенные⁵⁶.

Имеются упоминания и о том, что к партизанам присоединялись военнослужащие Венгрии и Румынии. Как отмечается, такого рода случаи участились после уничтожения немецкой группировки под Сталинградом. Сам процесс перехода на сторону советских партизан при этом, к сожалению, не получил широкого освещения в изученных источниках⁵⁷.

В одном из интервью было обнаружено упоминание о том, что ветеран имел возможность наблюдать партизанский отряд штрафников, набранный из бывших солдат РОА. В источнике данный эпизод описывается следующим образом: «Из них составили отряд, а во главе шесть человек немцев. Но потом, когда они видят уже, что такое дело, что надо действовать, то немцев перебили и перешли к партизанам. Но этот штрафной отряд стоял с километр от немецкого гарнизона. Чтобы кровью искупить. Туда на гарнизон пришлось ходить раз семь, наверное. Дадим им копоти, а потом отходим»⁵⁸.

Заключение

Подводя итоги исследования, мы приходим к выводу, что система комплектования партизанских отрядов была основана на одновременном использовании сразу всех доступных источников. Не существовало какой-либо универсальной схемы пополнения личного состава: использование того или иного источника комплектования зависело от специфики ситуации на конкретной территории и смены военно-политической конъюнктуры с течением времени. Даже в отрядах, одновременно действовавших в пределах конкретного региона, иерархия значимости источников пополнения могла существенно отличаться. В то же время можно отметить, что в большинстве случаев главным источником для пополнения личного состава партизанских отрядов выступало местное население. В качестве организационного ядра и

⁵⁶ Архипова Анна Григорьевна. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/arkhipova-anna-grigorevna/>

⁵⁷ Мокрицкая (Луштик) Ольга Ивановна. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/mokritskaya-lushtik-olga-ivanovna/>

⁵⁸ Юньков Анатолий Алексеевич. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/yunkov-anatoliy-alekseevich/>

основного источника рекрутирования командного состава (либо инструкторов) чаще всего выступали военнослужащие Красной Армии или диверсанты НКВД.

Отсев кандидатов осуществлялся преимущественно на основе принципов наличия личного стрелкового оружия, а также подтверждения лояльности со стороны родственников и друзей, уже состоящих в партизанских отрядах либо подпольных организациях. Сложная процедура проверки пополнения в большинстве отрядов отсутствовала. С одной стороны, необходимость ее проведения во многом нивелировало наличие устойчивых межличностных связей (кровнородственных и дружеских) между партизанами. С другой стороны, вероятнее всего, сказывалась острая потребность отрядов в пополнении собственных рядов (как было указано выше, зачастую партизанам приходилось принимать в свои ряды даже солдат противника и коллаборационистов). Помимо того, необходимо понимать, что далеко не во всех формированиях партизан изначально присутствовали представители «СМЕРШ». Последние же, в свою очередь, не могли позволить себе провести полноценную процедуру проверки личности вновь прибывших: сам по себе факт пребывания в тылу противника объективно ограничивал их возможности.

Озвученные выводы позволяют усомниться в достоверности точки зрения, согласно которой партизаны терроризировали местное население. В ситуации, когда значительная часть отрядов сопротивления комплектовалась преимущественно из местных жителей, система отношений такого рода была в принципе невозможна. Фактически такого рода утверждения равнозначно тезису о том, что местные жители сами себя терроризировали. Равным образом представляется маловероятным, что партизаны осознанно провоцировали карательные акции против местных населенных пунктов, так как тем самым они ставили бы под удар членов собственных семей.

Список источников и литературы

1. Абовян Е.Н. Партизанская борьба с оккупантами на Брянщине в период с ноября 1941 по май 1942 года // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 4. С. 79-82.
2. Абрамов Е.П., Арутюнян В.М., Беляев А.Б., Михайлов А.А. Северо-Запад России в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. Санкт-Петербург, 2005.
3. Азясский Н.Ф. Социальные истоки партизанского движения в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 2015. № 5 (373). С. 3-12.
4. Андрей С. Операция «рельсовая война». 1943 год // Родина. 2015. № 5. С. 107-113.
5. Андрианов В. И. Участие чекистов в партизанской борьбе в годы Великой Отечественной войны. М., 1990.
6. Армстронг Дж. Советские партизаны. Легенда и действительность. 1941-1944. М., 2007.
7. Басюк И.А. «Пересекать пути снабжения войск противника...». Белорусское партизанское движение в период великой отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2017. № 1. С. 10-15.
8. Беляев А.С., Чуйков В.А. Деятельность партизан Курской области во время Великой Отечественной войны // Государство, общество и органы внутренних дел в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции преподавателей, адъюнктов, курсантов, слушателей и студентов. 2015. С. 41-46.
9. Боярский В.И. Партизанская борьба в системе общественной безопасности: к теоретическому осмыслению уроков Великой Отечественной войны // Пространство и Время. 2014. № 2. С. 283-290.
10. Веригин С.Г. Рейды партизан Карельского фронта на территорию Финляндии в 1942-1944 гг.: два взгляда на одну проблему // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2012. № 13. С. 323-341.
11. Воробьев А.А. Боевая деятельность брянских партизан в годы Великой Отечественной войны: взгляд с советской и немецкой стороны // Studia

internationalia. Материалы II международной научной конференции "Западный регион России в международных отношениях X-XX вв.". 2013. С. 154-157.

12. Воронкова И.Ю., Кузьменко В.И. Гитлеровская оккупация и начало антифашистской борьбы в Белоруссии в 1941 году // Новая и новейшая история. 2011. № 5. С. 102-138.

13. Воспоминания участников Великой Отечественной войны. Партизаны. <https://iremember.ru/memoirs/partizani/>

14. Диксон, Ч.О., Гейльбурнн О. Коммунистические партизанские действия. М., 1957.

15. Зданович В.В. Партизанское движение периода Великой Отечественной войны в белорусской историографии 1990-2005 гг. // Военно-исторический журнал. 2008. № 11. С. 31-35.

16. Йокубаускас В. Концепция партизанской войны в Литве в 1920- 1930-е годы // Балтийский регион. 2012. № 2 (12). С. 43-57.

17. Князьков А.С. Начальник центрального штаба партизанского движения генерал-лейтенант П.К. Пономаренко: штрихи к портрету // Военно-исторический журнал. 2017. № 7. С. 73-80.

18. Коровин В. В Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 1998.

19. Кузьмичева Т.М. «Это не игра в словечки, не спор о терминах». дискуссия 1971-1972 гг. о характере партизанского движения в период великой отечественной войны // Исторический архив. 2005. № 2. С. 192-210.

20. Литвинова О.Н. Партизаны и коммунистическая партия: особенности взаимодействия на оккупированных территориях Брянщины в годы Великой Отечественной войны // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 2. С. 37-44.

21. Магометов А.А. Вклад отрядов народного ополчения, истребительных батальонов, милиции, партизан в дело разгрома немецко-фашистских войск под Владикавказом в 1942 году // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2017. № 1. С. 35-43.

22. Минц М.М. Мусял Б. Советские партизаны, 1941-1944: мифы и реальность. (Реферат) // История России. Серия аналитических обзоров и сборников. 2015. Т. 2015. С. 79-90.
23. Никифоров Ю.А. За линией фронта. оккупация и партизанское движение // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. № 2. С. 14.
24. Пашин В.П. Органы контрразведки «СМЕРШ» в Курской битве // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2016. Т. 37. № 1 (222). С. 133-136.
25. Пашков Р.В. Военно-политическая теория организации сопротивления // Современные гуманитарные исследования. 2010. № 5. С. 137-148.
- Петровская О.В. Белоруссия. Не отдадим Победу! // Наследники Победы и поражения. Вторая мировая война в исторической политике стран СНГ и ЕС. М.: РИСИ, 2015. С. 96 – 151.
26. Попов А.Ю. Партизаны и контрразведка в годы Великой Отечественной войны // Отечественная история. 2003. № 3. С. 123-128.
27. Рычкова О.В. Другой фронт: партизанское движение в освещении американской прессы, 1941-1945 гг. // Американистика: актуальные подходы и современные исследования межвуз. сб. науч. тр. Под ред. Т.В. Алентьевой, М.А. Филимоновой. Курск, 2013. С. 115-121.
28. Трифанков Ю.Т., Дзюбан В.В., Шанцева Е.Н. Исследование социальных процессов на Брянщине в период оккупации (1941-1943 гг.). Брянск, 2011.
29. Федорченко С.Н. Стратегия и тактика советских партизан в годы Великой Отечественной войны // Политическая наука и современное общество. Сборник научных работ кафедры политологии и права Московского государственного областного университета. М., 2010. С. 89-94.
30. Холод Л.А. Некоторые стороны быта населения партизанских краев на оккупированной территории Северо-запада РСФСР в годы Великой Отечественной войны (1941-1944 гг.) // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2010. № 32. С. 33-43.

31. Христофоров В.С. Курская битва: новые документы о советской разведке и партизанском движении // Новая и новейшая история. 2013. № 4. С. 3-22.
32. ЦМБОВ. Ф. 1. Оп. 2.
33. Цыбаков Д. Партизанское движение 1941-1945 гг. в фокусе современной информационно-психологической борьбы // Безопасность Евразии. 2015. № 2 (50). С. 103-107.
34. Шагланов А.Н. Крым и его освобождение (1941-1944). Новосибирск, 2015.
- Шанцева Е.Н. Начальный этап партизанского движения на Брянщине // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2012. Т. 18. № 4. С. 55-58.
35. Штейнберг И.Е. Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «восьмиоконая» модель // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2014. № 38. С. 38-71.
36. Howell E. The Soviet Partisan Movement 1941 – 1944. Washington, 1956.
37. Mulligan T. The Politics of Illusion and Empire. German Occupation Policy in the Soviet Union 1942-1943. New-York, 1988.
38. Slepian K. Why they fought: motivation, legitimacy and the Soviet Partisan Movement. Washington, 2003.
39. Musial B. Sowjetische Partisanen 1941-1944: Mythos und Wirklichkeit. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2009.
40. Richter E. «Herrenmensch» und «Bandit» : Deutsche Kriegsführung und Besatzungspolitik als Kontext des sowjetischen Partisanenkrieges (1941-44). Münster, 1998.
41. Lubbers G. C. U. Partisanenkrieg und Judenvernichtung während des Russlandfeldzuges und in Serbien 1941-1944. Münster, 1998.
42. Umbreit H. Der Krieg an der «zweiten Front»: die Bekämpfung der Partisanen // Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 5/2. Stuttgart, 1999. S. 153-181.

Пономарев Н.А., методист Музея Победы

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ КУРСАНТОВ АЭРОКЛУБОВ ОСОАВИАХИМА В ПЕРИОД 1939 – 1941 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

Статус курсантов и теоретический этап обучения.

Пройдя между Сциллой и Харибдой приемных комиссий, кандидат становился учлетом. С этого момента он получал отсрочку от призыва в армию на период обучения¹, а также право носить форму курсанта аэроклуба. Она включала в себя валяные сапоги, комбинезоны зимний и летний, летные очки, кожаный шлем, краги, перчатки и шерстяной свитер. Носить форму разрешалось, впрочем, только в летно-учебное время. Имелся также и ее парадный вариант – комбинезон с черным галстуком на белой сорочке и шлем. Постоянный состав, т. е. инструкторы, также обязаны были, на основании устава внутренней службы РККА и распоряжений ЦС ОСОАВИАХИМА, носить во время служебного рабочего времени следующую форму: ботинки с крагами или сапоги, бриджи, гимнастерку с петлицами ОСОАВИАХИМА и пилотку. На аэродром командирам также полагалось выходить только в комбинезонах и фуражках или пилотках. Помимо того, в фондах аэроклубов имеются указания того, что учлетам полагалось иметь теплое обмундирование, приобретаемое за собственный счет (валенки, душегрейка, ватник)².

Интересно отметить, что по некоторым источникам никакой формы учлетам не полагалась³. Возможно, это объясняется тем, что некоторым аэроклубам не хватало средств на ее приобретение. В пользу этого

¹ Кренделева М. Н. Ковровский аэроклуб (по материалам городского архива). URL: <http://kovrov-museum.ru/uploads/s1Krendeleva2010read.doc> (Дата обращения - 06. 02. 2013).

² Государственный архив Ивановской области (далее – ГАИО). Ф. Р-2055. Оп. 3. Д. 41. Л. 40, 43.

³ Драбкин А. Я дрался на истребителе. С.305.

предположения говорит и тот факт, что летный костюм мог быть и премией «за добросовестное отношение к работе»⁴.

В соответствии с положением, когда часть учлетов продолжала свое обучение, а часть уже была занята на производстве, курсанты разбивались на два учебных «потока». На одном готовили летчиков «без отрыва от производства», на другом – «с отрывом от производства»⁵. Первых, в случае завершения обучения, комсомольская организация обычно премировала грамотой и деньгами⁶. С целью облегчить их положение, аэроклубом как правило выделялся транспорт для поездок на аэродром. Кроме этого, иногда, по воспоминаниям И. И. Кожемяко, для таких курсантов выделялся специальный стол на фабрике - кухне⁷. После окончания учебной программы и получения звания пилота таким курсантам полагалось предоставить дополнительный двухнедельный отпуск с сохранением зарплаты⁸. Важно также подчеркнуть, что представители аэроклуба могли обратиться к начальнику цеха или же к парторгу, чтобы создать для курсанта условия, необходимые для успешного обучения⁹.

На основании постановления СНК № 2263 – 976 от 5 ноября 1940 г. курсантам, принятым в рамках основного набора без отрыва от производства, должна была выплачиваться стипендия в размере 250 рублей и предоставлялось бесплатное питание (завтрак и обед). В то же время учлеты дополнительного набора на подобные льготы рассчитывать не могли, и это провоцировало массовый уход части набранного контингента. Командующий ВВС П. В. Рычагов, столкнувшись с данной проблемой, обратился в СНК с предложением предоставить всем курсантам, обучающимся без отрыва от производства, стипендию в размере 100 рублей в месяц в период

⁴ Там же. С. 425.

⁵ Драбкин А. Я дрался с асами люфтваффе С. 459.

⁶ Кожедуб И.Н. Верность Отчизне. М, 1969. С. 92.

⁷ ГАИО. Ф. Р-2055. Оп. 1. Д. 35. Л. 89; Драбкин А. Я дрался с асами люфтваффе С. 239.

⁸ Там же. Оп. 2. Д. 71. Л. 198.

⁹ Бакуничев Я. Занятия проходят оживленно // Самолет. 1939. № 1. С. 7.

теоретического обучения (перешедшим на практическое обучение с отрывом от работы – 50 рублей) и бесплатное питание на протяжении всего времени обучения. В итоге данный проект был принят правительством в ноябре 1940 г.¹⁰

В октябре 1940 г. руководство ОСОАВИАХИМа предложило отменить для курсантов, совмещающих занятия в аэроклубах с получением образования, плату за обучение в 9 – 10 классах, однако в декабре Совнарком отклонил данный проект¹¹.

Интересно отметить, что в честь XVIII съезда ВКП (б) (проходившего 10 – 21 марта 1939 г.) многие аэроклубы заключили между собой договоры соцсоревнования на лучшее выполнение программы подготовки авиационных кадров. Также получили распространение соревнования внутри аэроклубов, между группами, звеньями и отдельными курсантами. Лучшее звено награждалось переходящим Красным знаменем, лучшая группа – вымпелом¹². В пределах Верхнего Поволжья подобная практика также нашла распространение. В частности, Ивановский аэроклуб соревновался с Владимирским¹³.

Учебный процесс в аэроклубах официально был выстроен в соответствии с программами преподавания, разработанными ЦАК. На практике же каждый аэроклуб фактически разрабатывал собственную программу обучения. Последнее было связано в первую очередь с халатностью, с которой работники Центрального аэроклуба относились к исполнению данной части своих обязанностей. В частности, к началу 1939 г. рабочие программы для регионов так и не были подготовлены, и рассылались

¹⁰ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. – 29. Оп. 31. Д. 233. Л. 230.

¹¹ РГВА. Ф. – 29. Оп. 31. Д. 233. Л. 68, 124.

¹² Соревнование рождает новый подъем // Самолет. 1939. № 5. С. 18; Социалистическое соревнование в одном аэроклубе // Самолет. 1939. № 21. С. 14; Рабочий край. 1939. 16 ноября. № 263 (6077). С. 3, 4; Комсомольцы-пилоты // Северный рабочий. 1939. 18 августа. № 188 (6085). С. 2; Николаева Е. Будущая летчица // Северный рабочий. 1939. 18 августа. № 188 (6085). С. 2.

¹³ Соревнование рождает новый подъем // Самолет. 1939. № 5. С. 18.

затем с большим опозданием¹⁴. Кроме того, программы преподавания, разработанные ЦАК, работниками аэроклубов на местах характеризовались как неполноценные. В пользу этого высказывались такие аргументы, как недопустимое сокращение времени практической подготовки на У-2 до всего 42 часов, и завышение количества часов, отведенных на теоретическую учебу¹⁵. По этой причине учебные программы зачастую корректировались в аэроклубах с учетом предложений местных преподавателей и руководящих работников¹⁶.

В отношении последнего необходимо отметить, что освоение воздушной стихии для курсантов начиналось именно с изучения комплекса базовых теоретических дисциплин¹⁷. Курс обучения был выстроен таким образом, что эта его часть выпадала на зимний период, чтобы с максимальной отдачей использовать для летной практики весну и лето. В массовом порядке данное правило было нарушено лишь зимой 1940/1941 годов, когда в связи с необходимостью обеспечить выпуск необходимого количества кандидатов летные школы ВВС были приняты экстренные меры по интенсификации обучения курсантов аэроклубов¹⁸. В отдельных аэроклубах, в прочем, руководство эпизодически прибегало к подобной практике и ранее. Так, в Костромском аэроклубе летная подготовка была организована зимой 1938/1939 гг.¹⁹

На теоретических курсах преподавались следующие дисциплины: политподготовка, строевая подготовка, физическая подготовка, Уставы РККА, теория полета, штурманская подготовка, устройство самолета У-2 и мотора М-11, метеорология, аэродинамика, основы самолетовождения и

¹⁴ Плоды самотека // Самолет. 1939. № 1. С. 5.

¹⁵ Чуреев А. Нужны учебники // Самолет. 1939. № 1. С. 6.

¹⁶ Образцово готовиться к новому учебному году // Самолет. 1939. № 12. С. 2.

¹⁷ Евстигнеев К. А. Крылатая гвардия. М., 1982. С. 28

¹⁸ Крамаренко С. М. Против «мессеров» и «сейбров». М., 2006. С. 16.

¹⁹ Шехованов Д. Растут крылья // Северная правда. 1939. 8 марта. С. 3.

пр.)²⁰. Основа обучения выстраивалась согласно комплексу специализированных учебников. Среди них можно назвать такие как «Тактика истребительной авиации» А. Кожевникова, «Конструкция современного самолета» Б. Горощенко, «Теория полета» Б. Висленева и Д. Кузьменко и др.²¹

Интересно отметить, что в плане обеспечения учебной литературой аэроклубы Верхнего Поволжья находились в лучшей ситуации, чем отдельные летные учебные заведения столицы. К примеру, в Дзержинском аэроклубе г. Москва отсутствовали учебники по устройству самолета У-2 и по мотора М-11²². Также испытывал нехватку литературы Ленинградский аэроклуб столицы²³.

Данная ситуация обуславливалась в первую очередь сбоями в работе ведомственного издательства Осоавиахима – Редиздата. В частности, издательством был существенно (на 5 месяцев) задержан выход в печать учебника по самолету У-2. Также значительно нарушены были сроки издания пособий по воздушной стрельбе, безмоторному полету, УТ-1, тактике авиации и обороне аэродромов²⁴.

Так как большинство курсантов относились к лицам, работающим на предприятиях в две смены, действовал непрерывный график теоретических занятий в утренние и вечерние часы. Это позволяло нормально обеспечить размещение большего общего числа курсантов при малом количестве классов. Для определения качества теоретической подготовки по окончании учебного года назначалась специальная комиссия от аэроклуба. В нее входили преподаватели, проверка осуществлялась посредством составленного ими вопросника, который включал не менее 4 – 5 вопросов из

²⁰ Евстигнеев К. А. Крылатая гвардия. М., 1982. С. 28; Чечнева М.П. Небо остается нашим. М., 1976. С. 8.

²¹ ГАИО. Ф. Р – 2055. Оп. 2. Д. 71. Л. 21, 28, 42.

²² Чуреев А. Нужны учебники // Самолет. 1939. № 1. С. 6.

²³ Бакуничев Я. Занятия проходят оживленно // Самолет. 1939. № 1. С. 7.

²⁴ Кваш Л. Об учебниках и беспечных начальниках // Самолет. 1939. № 1. С. 10.

различных тем. Экзамену предшествовали индивидуальные и коллективные консультации, а также зачеты.

В целом знание теории курсантами в предвоенный период можно оценить как хорошее. Так, средний балл учлетов, сдававших экзамены по всему спектру предметов данной части курса обучения в 1940 г. (по данным из 11 аэроклубов – Ивановского, Вязниковского, Ковровского, Вичугского, Кольчугинского, Гороховецкого, Владимирского, Кинешемского, Ярославского, Рыбинского и Костромского), составлял 4,4. При этом наивысший балл (4, 9) получили курсанты из Владимира, наименьший (4,3) – молодые летчики из Вязников. Число курсантов, получивших 5 баллов, равнялось 52 (или около 5 % от общего числа учлетов), в то время как оценку от 4 баллов включительно получили 782 человека (75 % обучающихся). Знания 208 учлетов (20 %) были оценены в пределах от 3,5 до 3,9 баллов включительно²⁵.

Практический этап обучения.

Поднимая вопрос о практической подготовке курсантов, необходимо отметить, что в отдельных случаях их становление как летчиков начиналось задолго до официального зачисления в аэроклуб.

Подобное было возможным благодаря тому, что кадры поступающих готовились непосредственно в аэроклубе. Здесь воплощался в жизнь знаменитый лозунг предвоенных лет – «От модели – к планеру, от планера – к самолету». В действовавших при аэроклубах кружках авиамоделистов дети занимались тем, что строили модели планеров, самолетов, делали воздушные змеи, клеили и шили шары Монгольфье. Испытывая творения своих рук, они получали первые представления об основах аэродинамики. Следующим этапом на пути становления летчика являлась планерная секция. И курсанты, и большинство инструкторов планерных секций работали или учились²⁶. Обучение в планерном кружке состояло из двух разделов: первой и второй

²⁵ ГАИО. Ф. Р – 2055. Оп. 2. Д. 164. Л. 77 – 92; ГАРФ. Ф. Р-8355. Оп. 6. 303. Л. 17.

²⁶ Молодчий А. И. Самолет уходит в ночь. М., 1986. С. 13 – 15, 22 – 24, 26.

ступеней. Первая выглядела следующим образом. Зимний период отводился для занятий в классе по изучению материальной части планера, теории пилотажа и аэродинамике, истории планеризма. В весенние и летние периоды проходили практические занятия на планере.

Вторая ступень отличалась от первой тем, что предусматривала увеличение практического компонента и, соответственно, уменьшение теоретического.

Первое практическое занятие заключалось в знакомстве с материальной частью. В роли последней чаще всего выступали двухместные фанерные планеры А-2 (в просторечии именуемые «стрекозами»), хотя продолжали использоваться и устаревшие на тот момент А-1 и Г-9. Также использовались такие модели планеров, как УС-6 и Ш-10²⁷.

Инструктор, кроме устройства планера, рассказывал курсантам о развитии планерного спорта и о некоторых особенностях эксплуатации аппарата.

Тренировочные полеты и планерные соревнования, как правило, проводились в то время на холмистой и гористой местности, где в атмосфере возникают восходящие потоки, что позволяет осуществлять парение в воздухе, т.е. осуществлять полеты без потерь высоты или снижения. Такие полеты могли быть скоростными, по треугольному маршруту, на дальность и продолжительность полета²⁸.

Летали планеристы невысоко (высота перед отцеплением планера составляла 1700-1800 метров) и на малые дистанции. Продолжительность полета занимала, как правило, 35 – 40 минут. Выглядел подобный полет следующим образом: пока пилот забирался в кабину, инструктор занимал место на земле у крыла аппарата, в то время как прочие обучающиеся за два конца натягивали амортизатор. Существовало четыре степени качества полета по натяжению – на десять, двадцать, тридцать и сорок шагов

²⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р – 8355. Оп. 6. Д. 114а. Л. 76.

²⁸ Карпович В. П. На «Ишаках» и «Мигах»! М, 2007. С. 73.

соответственно. Достижение каждой из отметок отмечалось криком. Инструктор, в зависимости от уровня подготовки обучаемого, подавал команду: «Старт!». Пилот тянул за рукоятку отцепы и планер, набирая скорость, отрывался от земли. В конце обучения планер поднимался в воздух на высоту в несколько десятков метров. Полеты продолжались долго, нередко до наступления темноты²⁹.

Впрочем, для региона Верхнего Поволжья использование данного источника рекрутирования курсантов было нехарактерно. Причина последнего заключалась в том, что даже в пределах Ивановской и Ярославской областей авиамodelизм и планеризм к началу рассматриваемого периода не приобрели массового характера.

В постановлении «Об итогах работы отдела авиации Областного совета Осоавиахима Ивановской области» за 1939 г. отмечалось, что «отдел авиации по вопросам подготовки добровольных контингентов занимается недостаточно, в силу чего авиамodelизм в области имеет слабое развитие».³⁰ В Ярославской области в том же году было проведено всего одно состязание авиамodelистов, на котором было продемонстрировано 43 модели.³¹ По данным на 1940 г., в Ивановском, Ковровском и Владимирском аэроклубах не было инструкторов-планеристов³². В докладе «Об итогах работы аэроклубов Ивановской области» за 1939 г. отмечалось, что «массовая авиационная работа на предприятиях по внедрению авиационной культуры проводится недостаточно. Имеющиеся ... планеры при райсоветах ОАХ не используются из-за отсутствия подготовленных руководителей этими кружками. Внутри самих аэроклубов массовая авиационная работа развернута недостаточно, и ограничивается лишь рамками учебного процесса. Кружковая работа развернута слабо, всего по области 7-10

²⁹ Молодчий А. И. Самолет уходит в ночь. М., 1986. С. 13 – 15, 22 – 24, 26.

³⁰ ГАИО. Ф. Р. – 2055. Оп. 2. Д. 139. Л. 45.

³¹ Центр документации новейшей истории Ярославской области (далее – ЦДНІЯО). Ф. 272. Д. 1478. Л. 79.

³² ГАИО. Ф. Р. – 2055. Оп. 2. Д. 159. Л. 96.

кружков».³³ В Ярославской области на 1939 г. действовало 15 планерных кружков с общим количеством обучающихся в 265 чел. Для сравнения, норматив контрольного задания для аэроклубов области за аналогичный период составлял 451 чел., а всего на 1 августа 1939 г. был принят 471 курсант³⁴.

В силу данных причин абсолютное большинство курсантов аэроклубов Верхнего Поволжья не имели к моменту завершения изучения теоретических дисциплин какого-либо практического опыта в полетах³⁵.

Как правило, начало летной подготовки в аэроклубах совпадало с первыми месяцами весны, когда погодные условия становились благоприятными для подготовки учлетов. Курсантов разбивали на группы, на каждую из которых выделялся самолет. Во главе группы стоял инструктор, который собственно и был обязан обучить переменный летный состав искусству полета³⁶.

Во время практических занятий учлеты осваивали взлет и посадку, прямолинейный полет, фигуры простого и сложного пилотажа.

В аэроклубах Верхнего Поволжья в рассматриваемый период простой пилотаж учебной программы включал в себя (по данным на 1939 г.) боевые развороты, виражи с креном 30 – 45 градусов, спираль, пикирование с углом до 45 градусов, горизонтальную восьмерку и скольжение. Сложный пилотаж включал в себя следующие элементы: штопор (за исключением такой разновидности, как плоский штопор, который был изъят из летной программы в октябре 1939 г.) – на скорости 90 км/ч, перевороты на горке и на вертикали – 140 км/ч (2 по 7 секунд), петля – 190 км/ч (2 по 8 секунд), бочки – 160 км/ч, иммельман – 210 км/ч (2 по 5, 8 секунд), пикирование с углом до 60 градусов – 120 км/ч. Также отрабатывались виражи с креном 60

³³ Там же. Оп. 1. Д. 139. Л. 75.

³⁴ РГВА. Ф. – 29. Оп. 31. Д. 229. Л. 170.

³⁵ Драбкин А. Я дрался с асами люфтваффе. С. 240.

³⁶ Кожедуб И.Н. Верность Отчизне. М., 1969. С. 74.

градусов и переворот через крыло. Помимо того, курсанты осваивали такую фигуру пилотажа, как вертикальная восьмерка³⁷.

Особо следует выделить тот факт, что сложный пилотаж – это основа маневренного боя. Таким образом, уже в аэроклубе у советского летчика закладывались базовые навыки, необходимые для освоения этого важнейшего элемента подготовки истребителя. При этом необходимо подчеркнуть, что на тот период потенциал маневренного боя не получил должной оценки даже в армиях многих ведущих мировых держав. Так, в «Руководстве по тактике ведения воздушного боя» для пилотов Королевских ВВС, изданном в 1938 году, в главе VIII говорилось: «Маневрирование на высоких скоростях в воздушном бою невозможно, так как воздействие перегрузки на человеческий организм при резкой смене направления полета на большой скорости может привести к временной потере сознания. Действия одиночного истребителя должны ограничиваться атаками на противника сзади со стороны хвоста».

Никто не знал, как долго продлится недомогание летчика, вызванное большими перегрузками, возникающими на высоких скоростях, и это заставляло с осторожностью относиться к данному явлению. По этой причине в британских ВВС было распространено мнение, согласно которому, пилот, испытывающий подобные проблемы, становится уязвим для огня противника. Поэтому учебные бои между двумя истребителями в основном ограничивались отработкой навыков внезапной атаки сверху или сзади³⁸.

Собственно получение навыков пилота для курсантов начиналось с освоения первой задачи курса учебно-летной подготовки 1938 г. (КУЛП – 38). Курсанты были должны получить навыки обращения с самолетом и осмотрительности на земле и в воздухе, освоить управление самолетом в прямолинейном полете и на разворотах (подъем, горизонтальный полет, планирование, развороты с креном до 45 градусов). Данный этап обучения

³⁷ ГАИО. Ф. Р. – 2055. Оп. 2. Д. 164. Л. 55, 56, 71 – 73, 75, 76.

³⁸ Спик М. Асы союзников. Смоленск, 2000. С. 22.

включал в себя 112 – 130 часов наземной подготовки на группу (из них 71 час на повторение теории) и от 49 минут до 1 часа 26 минут практики в небе на группу (3 – 5 полетов на человека)³⁹.

Инструктор, если он, конечно, добросовестно относился к своим обязанностям, требовал от учтета доскональных знаний материальной части самолета, его кабины: рычагов управления, приборной доски и расположенных на ней приборов, показаний приборов контроля работы мотора и навигационно-пилотажного оборудования. С помощью меловых схем он пояснял разбивку старта: посадочные знаки, взлетную и посадочную полосы, линии предварительного и исполнительного старта, стоянок самолетов, ограничители и направляющие из флажков, а затем, вооружившись моделью самолета, рассказывал о порядке взлета, построения «коробочки» — полета по прямоугольному маршруту, захода и расчета на посадку, технике ее выполнения, особых случаях в полете⁴⁰.

Первое время инструкторы «разыгрывали» для учтета весь полет на земле, показывали им, как правильно садиться в кабину, последовательно действовать при «взлете». С каждым разом задания усложнялись⁴¹. Курсантов учили обращаться с самолетом на земле, правильно подходить к нему и садиться в кабину. У будущих пилотов отрабатывались последовательность и четкость движений, распределение внимания. Важным было также умение заправлять машину и помогать технику в ее подготовке⁴².

Обычно отработка проходила следующим образом. Инструктор, не вылезая, сидел в передней кабине. Учет останавливался за метр от кабины и согласно уставу обращался к инструктору. Получив разрешение на посадку в самолет, он занимал свое место в задней кабине. Пристегнувшись ремнями, курсант осматривал кабину, проверял сектора обзора, исправность

³⁹ Курс летной подготовки школ ВВС РККА 1938 г. Ч. I. М., 1940. С.10.

⁴⁰ Карпович В. П. На «Ишаках» и «Мигах»! М, 2007. С. 80.

⁴¹ Чечнева М.П. Небо остается нашим. М., 1976. С. 11.

⁴² Кожедуб И.Н. Верность Отчизне. М., 1969. С. 77.

приборов и рулей управления, вслед за чем рапортовал о готовности к полету. Затем, получив разрешение на выруливание, учел, сидя в неподвижном самолете, начинал выполнять по порядку все действия, положенные при взлете, полете и посадке⁴³. Также с особой тщательностью отрабатывалось выруливание⁴⁴.

Зачастую именно недостаточная подготовка на земле становилась причиной аварий, и поэтому с 4 апреля 1940 г. курсантов строжайшим образом запрещалось допускать к полетам без хорошо усвоенной наземной подготовки⁴⁵.

После ознакомления с управлением самолетом проводились вывозные (т. е. под контролем инструктора) полеты по кругу (осуществлявшиеся, как и вся летная подготовка до начала Великой Отечественной войны, в соответствии с наставлением по производству полетов ВВС РККА 1938 г.)⁴⁶. Изначально «вывоз» полет ограничивался лишь полетом по кругу. Подобное упражнение подразумевало движение по прямоугольному маршруту со взлетом и посадкой с одним курсом и почти во всех случаях против ветра. Если в процессе полетов изменялось направление ветра, то соответственно менялся и старт⁴⁷.

За освоением прямолинейного полета и разворотов следовал переход ко второй задаче КУЛПа, предусматривавшей обучение взлету, расчету и трехточечной посадке стандартного профиля. Данный этап подготовки предусматривал 14 – 20 часов наземных упражнений на группу, а также 17 – 26 полетов на курсанта продолжительностью от 2 часов 54 минут до 4 часов 36 минут⁴⁸.

⁴³ Кожедуб И.Н. Верность Отчизне. М., 1969. С. 77.

⁴⁴ Степаненко И.Н. Пламенное небо. Киев, 1983. С. 12.

⁴⁵ ГАИО. Ф. Р – 2055. Оп. 2. Д. 164. Л. 5.

⁴⁶ Чечнева М.П. Небо остается нашим. М., 1976. С. 11.

⁴⁷ Там же. С. 12.

⁴⁸ Курс летной подготовки школ ВВС РККА 1938 г. Ч. I. М., 1940. С. 30, 31.

Затем осуществлялся переход к третьей задаче, целью освоения которой было научить курсанта выполнять колесную посадку и исправлять высокое выравнивание, взмывание и «козлы» – наиболее характерные ошибки, совершаемые при посадке. Помимо того, учлеты должны были освоить исправление ошибок в расчете и ознакомиться с выполнением штопора и скольжения⁴⁹. На данном этапе обучения также начинались вывозные полеты в зону. Зоной называется в авиации район неба, отведенный для летных учебных заведений, куда не залетает ни один посторонний самолет. Наземная подготовка занимала 25 часов на группу, практическая часть равнялась 9 – 14 полетам на курсанта продолжительностью от 2 часов 37 минут до 4 часов 4 минут (на практике данный показатель мог значительно отличаться от установленной нормы – Н. П.)⁵⁰.

Диапазон количества вывозных полетов, по воспоминаниям В. П. Карповича, был значительным: кому-то для освоения основных элементов хватало 15–20 полетов, кому-то было необходимо до 40 и более⁵¹. Соответственно, наблюдалась и заметная разница во времени, затраченном на вывозные вылеты. На курсе, выпущенном в декабре 1939 г. в Ивановском аэроклубе, показатель хронометража колебался в данном отношении от 8 часов 42 минут до 25 часов 41 минуты⁵².

Затем наступал черед перехода к четвертой задаче КУЛПа, сводившейся к подготовке к самостоятельному вылету. Целью данного этапа обучения было окончательно отработать все освоенные ранее элементы полета. Задача предполагала выделение 15 – 16 часов на группу для прохождения наземной подготовки и 18 – 26 полетов на курсанта продолжительностью от 2 часов 22 минут до 3 часов 26 минут. В ходе

⁴⁹ Курс летной подготовки школ ВВС РККА 1938 г. Ч. I. М., 1940. С. 38.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Карпович В. П. На «Ишаках» и «Мигах». С. 83.

⁵² ГАИО. Ф. Р – 2055. Оп. 3. Д. 35. Л. 20 – 26.

освоения задачи курсанты проходили через теоретический разбор всех элементов полета, сопровождавшийся широким использованием местного аварийного материала (фотоснимков, рисунков и т. д.), объезд и осмотр площадок для вынужденных посадок, практические занятия по определению на слух работы мотора, наземную подготовку к взлету и посадке с боковым ветром с последующими полетами. Также они осваивали на практике посадку с попутным ветром (на случай сдачи мотора после первого разворота), расчет и посадку с остановленным винтом, а также проводили шлифовочные вылеты⁵³. С курсантами повторялись простейшие упражнения, отшлифовывали полет по кругу – взлет, разворот, построение маршрута, посадку, забор высоты с последующим уходом с аэродрома или в зоны⁵⁴.

За этим вскоре следовало, в рамках пятой задачи КУЛПа, разрешение на первый самостоятельный полет. От курсантов требовалось закрепить технику выполнения элементов полета по прямоугольному маршруту. Программа предусматривала 37 самостоятельных полетов на курсанта продолжительностью 3 часа 42 минуты и 7 – 12 контрольно-показных (с инструктором), занимавших в общей сложности от 1 часа 9 минут до 1 часа 49 минут⁵⁵.

Разрешение на самостоятельный вылет обычно давал командир отряда. Это сопровождалось соответствующим ритуалом: инструктор вылезал из передней кабины, а его место занимал мешок с песком (именуемый летчиками «Ванькой» или «Иваном Ивановичем») с тем, чтобы центровка самолета существенно не изменялась. После 4, иногда – 10 – 15 полетов мешок перемещали назад, и курсант получал наконец возможность управлять машиной, заняв переднюю кабину⁵⁶.

⁵³ Курс летной подготовки школ ВВС РККА 1938 г. Ч. I. М., 1940. С. 48 – 57.

⁵⁴ Чечнева М.П. Небо остается нашим... С. 12; ГАИО, Ф. Р-2055. Оп. 2. Д. 164. Л. 36.

⁵⁵ Курс летной подготовки школ ВВС РККА 1938 г. Ч. I. М., 1940. С. 58, 59.

⁵⁶ Карпович В. П. На «Ишаках» и «Мигах»!.... С. 84; Курс летной подготовки школ ВВС РККА 1938 г. Ч. I. М., 1940. С. 59 – 61.

На данном этапе обучения упражнения с машиной сочетались с отработкой пилотирования на тренажере, т. н. «журавле», который, интересно отметить, служил в среде курсантов своеобразным показателем мастерства, так как считалось, что тренировка на нем для того, кто уже допущен к самостоятельным полетам, унизительна⁵⁷. Занятия проходили с разной частотой, в зависимости от оснащенности аэроклуба, погодных условий и ряда иных факторов. По принятой методике, если перерыв в практике курсанта, допущенного к самостоятельному пилотированию, превышал три – четыре дня, предусматривались 2 – 3 контрольно-вывозных полета по кругу⁵⁸.

Затем осуществлялся переход к шестой задаче КУЛПа, предусматривавший тренировки в управлении самолетом на различных скоростях и в выполнении штопора. Наземная подготовка занимала 8 часов на группу, практическая составляющая предусматривала 2 самостоятельных полета общей продолжительностью 2 часа 50 минут, 1 контрольно-вывозной (40 минут) и 1 зачетный (25 минут)⁵⁹.

Седьмая задача КУЛПа предусматривала тренировки в выполнении таких элементов пилотажа, как глубокие и мелкие виражи, боевой разворот, спираль, змейки, скольжение, глубокие и мелкие восьмерки. Наземная подготовка на данном этапе составляла 4 часа на группу, практика включала в себя 9 самостоятельных вылетов (3 часа 45 минут), 5 контрольно-вывозных (2 часа 40 минут), и 1 зачетный (35 минут)⁶⁰.

В ходе решения восьмой задачи курсанты обучались выполнению петель и переворотов через крыло (КУЛП предусматривал также освоение фигуры «падение листом», но в документах аэроклубов подобный элемент подготовки нигде не упоминается – Н. П.). После 8 часов наземной

⁵⁷ Евстигнеев К. А. Крылатая гвардия... С. 28 – 30.

⁵⁸ Драбкин А. Я дрался с асами люфтваффе... С. 240 - 241.

⁵⁹ Курс летной подготовки школ ВВС РККА 1938 г. Ч. I. М., 1940. С. 64.

⁶⁰ Там же. С. 70, 71.

подготовки учлеты совершали 2 контрольно-показных полета (50 минут), 3 самостоятельных (1 час 15 минут) и 1 зачетный (25 минут)⁶¹.

В ходе освоения девятой задачи курсанты обучались групповым полетам (строем в составе звена в 2 – 3 самолета). Они должны были обучиться сохранять дистанцию, интервалы и превышения между самолетами, отработать выполнение сигналов, разворотов строем и перестроение из клина в пеленг. Наземная подготовка занимала 6 часов на группу, практическая составляющая включала 2 контрольно-провозных полета (1 час), 2 самостоятельных (1 час) и 1 зачетный (30 минут)⁶².

Десятая задача предусматривала получение курсантами навыков воздушной навигации. Они осваивали ориентирование днем на средних высотах и самолетовождение по компасу без помощи летнаба. На данном этапе подготовки курсант закреплял навыки в подготовке и использовании карты⁶³.

Одиннадцатая задача заключалась в прохождении основ огневой подготовки. На данном этапе обучения курсанты осваивали азы теории стрельбы с самолета по наземным и воздушным целям, а также вырабатывали первоначальные практические навыки. Учлеты тренировались в управлении машиной при стрельбе по наземным и воздушным целям. Также они отрабатывали прицеливание по щиту при подходе к цели по прямой против ветра, а также по самолету при атаках с задней полусферы сверху и снизу (в обоих случаях – с фотоконтролем). Всего каждым курсантом совершалось 7 полетов общей продолжительностью 2 часа 27 минут⁶⁴.

Вслед за этим наступал черед последней, двенадцатой задачи, в ходе которой отрабатывалась техника пилотирования по всему курсу. Учлеты

⁶¹ Там же. С. 82.

⁶² Курс летной подготовки школ ВВС РККА 1938 г. Ч. I. М., 1940. С. 87.

⁶³ Там же. С. 90.

⁶⁴ Там же. С. 107 – 109.

совершали полеты по прямоугольному маршруту, на исправление расчета скольжением, на низкой высоте, повторяли выполнение мелких и глубоких виражей, боевых разворотов, змейки, петель, переворотов, спирали, скольжения и штопора. Наземная подготовка занимала 2 часа на группу, практическая составляющая сводилась к 5 – 6 контрольным полетам (от 1 час 25 минут до 1 часа 30 минут) и 18 самостоятельным (2 часа 40 минут)⁶⁵.

Всего же в ходе выполнения задач КУЛП курсант должен был провести в воздухе как минимум 32 часа 18 минут, максимум – 35 часов 53 минуты. На практике, впрочем, показатели налета курсантов могли значительно отличаться от установленных нормативами.

Необходимо отметить, что уже к началу рассматриваемого периода данная программа подготовки не полностью соответствовала потенциалу материально-технической базы аэроклубов. В частности, авторы справки № 11 от 9 февраля 1940 г., составленной для ЦК ВКП (б) по программе подготовки переменного летного состава аэроклубов Осоавиахима, предлагали убрать из курса подготовки учетов огневую и штурмовую подготовку, групповые полеты и посадку с повышенной скоростью⁶⁶.

Непосредственно летная практика проводилась с мая по октябрь по графику непрерывного обучения. Летный день разбивался на несколько смен в соответствии с графиком работы и учебы курсантов⁶⁷. Утром, как правило, летали неработающие курсанты или те, кто работал во вторую смену, а вечером те, кто работал в дневные часы. Продолжительность летного дня, с учетом сбора и переезда из города на аэродром и обратно, была установлена с 4 часов утра до 22 часов вечера. Непосредственно полеты начинались в 6.00 и заканчивались в 20.00, с перерывами на «второй завтрак» и обед, и осмотром материальной части с 12 до 14 часов.

⁶⁵ Курс летной подготовки школ ВВС РККА 1938 г. Ч. I. М., 1940. С. 109 – 114.

⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р – 8355. Оп. 5. Д. 38. Л. 9; Курс летной подготовки школ ВВС РККА 1938 г. Ч. I. М., 1940. С. 87, 107 – 109.

⁶⁷ Драбкин А. Я дрался с асами люфтваффе... С. 241.

Распорядок дня переменного состава (т. е. учлетов) на данном этапе обучения выглядел следующим образом. Сначала все следовали на завтрак. Поев, курсанты строем выдвигались к ангарам и переодевались в летную форму. Каждый был обязан участвовать в выводке самолетов, подготовке матчасти к полетам и присутствовать при докладе технического состава о готовности машин к полету.

Затем проходило построение, за которым наблюдал командир части. При подходе инструкторов к самолетам техники выстраивали группы курсантов у самолетов, докладывали о готовности материальной части и наличии курсантов и происшествиях в группе.

За каждым летчиком-инструктором закреплялись 7 курсантов и самолет; 3–4 инструктора составляли звено. Звеном руководил командир звена, который мог одновременно совмещать и обязанности инструктора. Звенья образовывали в совокупности летную часть или отряд, командир которого и осуществлял общий контроль за проведением полетов⁶⁸.

После этого учлеты приступали к подготовке к полетам. Инструкторы и курсанты принимали от техников самолеты с обязательной проверкой заправки ГСМ и апробацией работы мотора, после чего по цепочке от командиров звеньев до командиров отрядов передавался сигнал о готовности. Командир 1 – го звена выстраивал отряд (летную часть) для доклада командиру отряда. Последний, приняв доклад, вызывал летный состав (инструкторов) на середину (к себе) и давал указания на день, касаясь таких тем, как метеоусловия, разлет в зонах, особые указания в зависимости от обстановки, проходные задачи, прошлые происшествия и ошибки, проверка наличия планов полетов у инструкторов и командиров звеньев⁶⁹.

За этим следовали сами полеты, в перерывах между которыми курсанты второй раз завтракали и обедали. Начиная с апреля 1940 г. обязательным условием допуска к полетам стало наличие у учлета

⁶⁸ ГАИО. Ф. Р – 2055. Оп. 2. Д. 164. Л. 4.

⁶⁹ Шехованов Д. Растут крылья // Северная правда. 1939. 8 марта. С. 3.

конспектов полета на данную задачу (упражнение) и книжки записи ошибок⁷⁰. В условиях низкой облачности или снегопада прекращалась отработка фигур пилотажа, и полеты совершались только по кругу. За ухудшением видимости следовал сигнал» немедленная общая посадка»⁷¹. По завершению полетов переменный состав возвращался к ангарам и принимал участие в подготовке техники к следующему дню. Далее следовали разбор полетов, заводка самолетов в ангар, выполнение процедур личной гигиены и переодевание, на чем рабочий день и завершался⁷².

На неделю выпадало от 3 до 5 летных дней. Чаще всего занятия проводились трижды в неделю – в понедельник, среду и пятницу. В день проводилось до четырех полетов. В целом летная программа была достаточно растянута. С началом провозных полетов курсантам можно было приходить в аэроклуб чаще, они могли подниматься в воздух и в выходные дни.

Помимо того, в аэроклубах, где имелись самолеты с вооружением, велись учебные стрельбы при наличии полигона и тира. В противном случае проводились групповые полеты и наземная подготовка⁷³. Также могли отрабатываться слепые и слетанные полеты⁷⁴. Максимально допустимая скорость (по данным 1940 года) равнялась 210 км/ч при 300 метрах высоты. Все фигуры высшего пилотажа, за исключением штопора, полагалось выполнять на высоте не ниже 100 метров⁷⁵.

Отдельно следует выделить такой период обучения учлетов, как пребывание в лагерях. С наступлением лета (в июне) курсантов формировали в летные группы и на месяц переводили в лагерные условия учебы на

⁷⁰ ГАИО. Ф. Р – 2055. Оп. 2. Д. 164. Л. 4.

⁷¹ Шехованов Д. Растут крылья // Северная правда. 1939. 8 марта. С. 3.

⁷² ГАИО. Ф. Р – 2055. Оп. 2. Д. 71. Л. 89; Там же. Д. 164. Л. 13 – 14.

⁷³ Там же. Д. 71. Л. 4.

⁷⁴ Там же. Д. 164. Л. 36.

⁷⁵ Там же. Л. 11.

аэродромы, как прописывалось в документах, «для лучшего усвоения пилотской программы».

Сборы в лагерях проходили с отрывом от производства в течение 45 суток. Горвоенкоматом каждому учлету выдавалась повестка, в которой последний уведомлялся о том, что он поступает на 45 суток в распоряжение аэроклуба для прохождения военно-полевых лагерных сборов. Во время сборов велась отработка техники пилотирования, осуществлялись практические занятия – шла подготовка к сдаче осенних экзаменов, которые принимала государственная комиссия, выносившая решение о направлении курсанта в летные военные школы и училища. В лагере на аэродроме разбивались палатки, организовывались летняя кухня и столовая. На период летних сборов в лагерь выезжали весь летно-технический состав и курсанты аэроклуба. На весь период летних лагерных сборов отменялись выходные дни для летно-технического и инструкторского состава⁷⁶.

Здесь их ставили на полное довольствие в счет дотации от предприятий, расположенных поблизости. Часть расходов по содержанию брал на и себя аэроклуб, предоставлявший постельные принадлежности и питание из расчета 9 рублей в день согласно договоренности со столовой.

Распорядок дня курсантов в лагерях был расписан очень подробно. Он включал в себя утреннюю зарядку, политинформацию, теоретические занятия, самоподготовку и учебно-тренировочные полеты. Курсанты летали в основном в дневное время, командирские полеты (с постоянным составом, т. е. инструкторами) проводились с 3-00 до 11-00⁷⁷.

Периодически учебный процесс прерывали комиссии по линии летных школ и УВУЗ ВВС КА.⁷⁸ Выводы данных комиссий, как правило, содержали в себе жесткую критику организации учебного процесса.

⁷⁶ Кренделева М. Н. Ковровский аэроклуб (по материалам городского архива). URL: <http://kovrov-museum.ru/uploads/s1Krendeleva2010read.doc> (Дата обращения - 06. 02. 2013).

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Драбкин А. Я дрался с асами люфтваффе с. 121.

На 1939 г. руководством отдела ВУЗ Главного Управления ВВС отмечалось, что, как правило, в аэроклубах не выдерживают полностью установленных программой норм самостоятельного налета для курсантов, что влекло за собой недостаточную отработку отдельных элементов полета и отсутствие у многих учлетов твердо закрепленных навыков⁷⁹.

Помимо того, Начальник отдела ВУЗ ГУ ВВС генерал-майор А. А. Левин указывал, что в отдельных аэроклубах имел место низкий уровень требований к качеству выполнению полетного задания, допускалось нарушение нормативов КУЛПа, в результате чего допускаемые курсантами ошибки со временем закреплялись⁸⁰.

По результатам проверки аэроклубов в апреле 1940 г. также было выявлено, что нормативы КУЛПа во многих из них не выдерживаются, в результате чего курсанты представляются к выпуску с меньшим самостоятельным налетом, чем было установлено, и недоработанной техникой пилотирования по целому ряду элементов. В частности, комиссия отмечала наличие следующих характерных ошибок и недостатков при выполнении взлета и посадки: резкая подача газа при взлете, слабая работа ногами при разбеге и пробеге, дополнительное отклонение самолета от заданного направления, плохо отработанная техника борьбы со сносом на взлете и пробеге. Также имели место и замечания в отношении пилотирования в воздухе. В качестве характерных погрешностей в данном случае указывались неправильное построение маршрута, несоблюдение заданной высоты, преждевременные развороты, несоблюдение режима мотора. Также подчеркивалось, что курсантам, обученным с нарушением нормативов КУЛП, свойственны такие ошибки при выполнении фигур пилотажа, как резкий вывод из разворота и нарушение угла в 360 градусов при вираже. Помимо того, обращалось внимание на то, что учлетами слабо отработанны боевой разворот и скольжение, а уровень их осмотрительности

⁷⁹ Левин А. А. Улучшить качество подготовки курсантов // Самолет. 1939. № 7. С. 18, 19.

⁸⁰ Там же.

явно недостаточен. Вина за перечисленные недостатки в подготовке курсантов целиком возлагалась проверяющими на руководство аэроклубов и инструкторский состав⁸¹.

Многие из указанных недостатков в подготовке были выявлены и в аэроклубах Верхнего Поволжья. В частности, материалы обследования прикрепленных к Балашовской школе аэроклубов (в том числе Ярославского, Рыбинского и Костромского) от 9 мая 1940 г. включали в себя следующие претензии. Проверяющие из училища отмечали отсутствие дисциплины как у руководящего состава, так и у курсантов во время полетов, факты почти повсеместной несвоевременной явки на полеты почти во всех аэроклубах. Также представители летной школы отмечали, что план летной подготовки почти во всех аэроклубах не выполняется, выпускники, готовящиеся как пилоты запаса, не имеют полного налета, положенного им по плану ЦС ОСО авиации⁸². Помимо того, в отчетах проверяющих указывалось, что летное обучение проходит не в соответствии с требованиями КУЛП – 38, имеют место несвоевременные переходы от одного упражнения к другому. Теоретическая учеба, как отмечалось эмиссарами училища, была поставлена в аэроклубах на удовлетворительном уровне, хотя в журналах фиксировалась успеваемость на уровне «хорошо» и «отлично». Кроме того, проверяющими было указано на нехватку учебников и отсутствие стрелковой подготовки⁸³.

Организацию учебного процесса в Ковровском аэроклубе комиссия оценила следующим образом: «Методика летного обучения поставлена слабо: инструктора полеты с курсантами проводят без должной требовательности к технике пилотирования обучаемых курсантов, в результате чего курсанты, летая самостоятельно, не отрабатывают координацию на развороте, не выдерживают направление после приземления на посадке, далеко делают четвертый разворот. Курсанты слабо знают КУЛП

⁸¹ РГВА. Ф. – 29. Оп. 31. Д. 231. Л. 314.

⁸² РГВА. Ф. – 29. Оп. 31. Д. 231. Л. 141.

⁸³ Там же.

и НПП – 38. Курсант Кузнецов не смог рассказать о силах, действующих в горизонтальном полете, объяснил посадку при боковом ветре, употребляя неграмотные выражения, например, вместо «создать крен» - «загородиться креном»⁸⁴.

Во Владимирском аэроклубе были обнаружены все недочеты, выявленные в Коврове. Более того, проверяющими были выявлены серьезные недостатки в летной работе. В частности, комиссией упоминался случай, когда на посадке, во время сдерживания, самолет, который пилотировал курсант, летевший самостоятельно, столкнулся с автомашиной⁸⁵.

Отмечалось, что для аэроклубов в целом как этапа подготовки летчика характерны недостаточная отработанность у курсантов осмотрительности на земле и в воздухе, метода построения правильного расчета. Кроме того, отмечалось «примиренчество к допускаемым мелким ошибкам со стороны постоянного летного состава»⁸⁶.

Также жесткой критике подвергалась организация внутреннего распорядка в аэроклубах. В соответствии с приказом НКО от 14 марта 1940 г., в часы занятий постоянный и переменный летный состав обязывались организовывать внутренний распорядок в соответствии с уставами КА⁸⁷. Однако на практике это указание не соблюдалось. Так, в материалах инспектирования Ковровского и Владимирского аэроклубов представителями Кировобадской школы 23 – 29 июня 1940 г. было указано, что в проверенных учебных заведениях «дисциплина слабая, не соответствует духу уставов КА». Также инспектор сообщал в училище следующее: «Переменный и постоянный состав не приветствуют друг друга, приказание не повторяются, на старте курсанты ходят расстегнутыми

⁸⁴ Там же. Д. 229. Л. 157.

⁸⁵ РГВА. Ф. – 29. Оп. 31. Д. 229. Л. 158.

⁸⁶ ГАИО. Ф. Р. – 1055. Оп. 2. Д. 165. Л. 78.

⁸⁷ РГВА. Ф. – 29. Оп. 31. Д. 230. Л. 20-21.

воротничками и оторванными пуговицами. Летный день оканчивается нечетко и неорганизованно, не по распорядку дня»⁸⁸.

В ходе работы комиссии 4-го отдела УВУЗ ВВС КА в феврале 1941 г. были установлены факты приписок летных часов в Вязниковском аэроклубе⁸⁹. Начальник аэроклуба докладывал, что вся группа курсантов II очереди окончила 7-ое задание КУЛП-38 и имеет самостоятельный налет не менее 7 часов. При проверке летных книжек и полетных листов выяснилось, что имела место приписка курсантам до 2 – 3 часов. Так, 5 февраля 1941 г. в аэроклубе не было полетов, а в летных книжках у 22 курсантов были записаны самостоятельные полеты в зону и по кругу. При проверке в воздухе на выдержку курсантов факты недоученности и приписки часов подтвердились⁹⁰. Также комиссией было установлено, что в ряде аэроклубов Ивановской области курсанты были размещены на частных квартирах и жили «без присмотра», в результате чего среди учлетов имели место случаи пьянства⁹¹.

При этом проверяющие указывали чаще всего указывали, что имеющиеся проблемы связаны не только с халатностью или некомпетентностью руководящего и инструкторского состава. Так, в материалах комиссии, осуществлявшей инспектирование аэроклубов Ярославской области в мае 1940 г., особо подчеркивалось, что материальное обеспечение аэроклубов производится совершенно неудовлетворительно, вследствие чего обучение курсантов зачастую производится на выработавшей свой ресурс технике, в отсутствие необходимого количества бензина и масла⁹². Также на качестве обучения негативным образом

⁸⁸ Там же. Д. 229. Л. 157.

⁸⁹ ГАИО. Ф. Р-2055. Оп. 3. Д. 41. Л. 64.

⁹⁰ ГАИО. Ф. Р-2055. Оп. 3. Д. 41. Л. 64.

⁹¹ Там же.

⁹² РГВА. Ф. – 29. Оп. 31. Д. 231. Л. 141.

сказывались перебои с поставками запчастей, растянутые сроки и низкое качество ремонта вследствие нехватки финансирования⁹³.

Подводя итог перечню факторов, затруднявших процесс обучения, необходимо указать, что, несмотря на обилие критики со стороны представителей летных школ, спрос на даже не прошедших полный курс обучения курсантов аэроклубов со стороны тех же училищ ВВС всегда оставался высоким. К примеру, 19 декабря 1940 г. начальник Серпуховского летного училища подполковник Беляев обратился к начальнику УВУЗ ВВС КА А. А. Левину с просьбой дать разрешение об укомплектовании второго отряда курсантов за счет учлетов II очереди (августовский набор) Ивановского и Серпуховского аэроклубов, которые на тот момент еще не успели пройти всего курса подготовки и находились на уровне освоения 7 – 8 задачи КУЛП – 38, имея лишь от 35 до 70 вылетов на человека⁹⁴.

Общий налет курсантов характеризовался большим разбросом итогового времени. Так, на курсе, закончившем обучение в 1939 году в Кольчугино, наименьшее количество часов в вывозных полетах равнялось 6 часам 50 минутам, наибольшее – 19 часам 42 минутам (средний показатель – 10 часов на человека). Для самостоятельных полетов разброс простирался от 5 часов 3 минут до 23 часов 30 минут (средний показатель – 12 часов на человека), для контрольных – от 1 часа 2 минут до 6 часов 10 минут соответственно (средний показатель – около 3 часов на человека). В итоге мы видим, что в данном аэроклубе среднестатистический учлет проводил в воздухе приблизительно 25 часов⁹⁵. Подсчеты по прочим одиннадцати аэроклубам региона за аналогичный период дают схожие результаты, и как итоговый средний показатель совокупного налета можно обозначить 27 часов на человека⁹⁶.

⁹³ Там же.

⁹⁴ РГВА. Ф. – 29. Оп. 31. Д. 233. Л. 99.

⁹⁵ ГАИО. Ф. Р – 2055. Оп. 2. Д. 140. Л. 4.

⁹⁶ Там же. Л. 5-10; ГАРФ. Ф. Р-8355. Оп. 7. Д. 71. Л. 29.

В данном случае необходимо отметить парадоксальный факт. Несмотря на то, что показатели налета в Кольчугинском аэроклубе были ниже установленных нормативами, качество подготовки курсантов было достаточно высоким. В пользу этого говорит, в частности, сообщение начальник Тбилисской авиашколы начальнику УВУЗ Красной Армии касательно результатов проверки закрепленных за училищем аэроклубов в начале 1940 г. Как указывалось в документе, «... лучшее впечатление, как по организации учебного процесса, а также по качеству выпускаемой продукции, производит Кольчугинский аэроклуб. Все курсанты, отобранные в школу, хорошо подготовлены»⁹⁷.

По окончании учебы молодой пилот должен был сдавать экзамены по теоретической и практической подготовке. Организация экзамена проходила следующим образом. Начальник аэроклуба за 10 дней до окончания летной программы предоставлял начальнику отдела авиации регионального Совета ОСОАВИАХИМа план сдачи курсантов. После утверждения, данный документ направлялся начальникам прикрепленных к аэроклубу школ или училищ ВВС Красной Армии. Одновременно копия плана отправлялась в Управление Авиации Центрального Совета в Москву. Аэроклубами, имеющими отделов авиации при региональном Совете, план предоставлялся непосредственно руководству прикрепленных авиашкол.

За 3 дня до окончания летной программы аэроклуб вызывал комиссию по приему курсантов, о чем одновременно сообщал в управление авиации и начальнику отдела авиации. О начале и окончании работы комиссии доносилось через телеграф в Управление Авиации. В телеграмме сообщалось в цифрах только количество принятых курсантов, оценки и процент выполнения плана не указывались. Сданный комиссии контингент курсантов оформлялся актом, составлявшимся в 5 экземплярах (1 оставался в аэроклубе, 4 отправлялись в прикрепленные авиашколы для утверждения,

⁹⁷ РГВА. Ф. – 29. Оп. 31. Д. 231. Л. 401.

после чего 3 из них передавали в 4-й отдел УВУЗ ВВС Красной Армии, Управление Авиации Центрального Совета и региональный Совет.

Комиссия НКО обладала правом отсеивать курсантов по политико-моральному соответствию, неуспеваемости, возрасту и неуспеваемости⁹⁸. Ее формировал и возглавлял представитель штаба ВВС военного округа или начальник летной школы ВВС. В состав комиссии входили представителей училища, к которому был приписан данный аэроклуб, комиссар или начальник аэроклуба, инспектор отдела авиации местного подразделения Осоавиахима, представители НКВД, райкома ВКП (б) или ВЛКСМ, а также районного военкомата⁹⁹.

Практическая часть экзамена проводилась следующим образом. Испытуемым производились 2 полета – контрольный в зону и самостоятельный по прямоугольному маршруту. Контрольный полет совершался в течении 20 минут на высоте 1 000 метров, самостоятельный занимал 6 минут и проходил на 300 метрах¹⁰⁰.

В ходе контрольного полета пилотом выполнялись два мелких виража с креном 30 градусов, два глубоких с креном 60 градусов, петля Нестерова, переворот, спираль, скольжение в обе стороны, планирование – как обязательные элементы, и боевой разворот, штопор с выводом в заданное направление, полупереворот и бочка – по усмотрению курсанта¹⁰¹. Впрочем, экзаменационная программа могла быть и оригинальной. Так, к примеру, учлету В. П. Карповичу довелось по требованию проверяющего выполнить следующие элементы: полет в зону на высоте шестьсот метров, два мелких, два глубоких виража — по одному в каждую сторону, петля, боевой разворот, штопор два витка, скольжение в обе стороны, расчет на посадку, посадка на скорости¹⁰². Помимо этого, в конце обучения молодые пилоты

⁹⁸ ГАИО. Ф. Р-2055. Оп. 3. Д. 41. Л. 132-133.

⁹⁹ ГАИО. Ф. Р-2055. Оп. 2. Д. 140. Л. 2; РГВА. Ф. – 29. Оп. 31. Д. 231. Л. 371, 383.

¹⁰⁰ РГВА. Ф. – 29. Оп. 31. Д. 231. Л. 383.

¹⁰¹ Борейко Я. И. 700 дней войны... С. 40, 41; Драбкин А. Я дрался с асами люфтваффе... С. 97.

¹⁰² Карпович В. П. На «Ишаках» и «Мигах»! ... С. 88

были обязаны совершить десять самостоятельных полетов по кругу, два в зону и два или три в паре¹⁰³. Теоретический компонент ограничивался комплексом базовых дисциплин.

В качестве иллюстративного материала приведем данные актов проверки и приема подготовки пилотов при Кольчугинском и Ивановском аэроклубах на 4 декабря 1939 г.

Из 49 кольчугинских курсантов 24 по летной подготовке получили оценку «отлично», 25 – оценку «хорошо». В отношении теоретических дисциплин действовала более сложная система оценок, учитывавшая десятые доли балла. «Отлично» было поставлено всего 2 учлетам, оценка 34-х колебалась от 4, 0 до 4, 9 балла, подготовка 12 была определена как «удовлетворительная» (3, 0 – 3, 9 балла). Средний балл по практической части таким образом равнялся 4, 49, по теоретической – 4. Отдельная оценка была выставлена по политической подготовке. Лишь 8 человек получили на данной составляющей экзамена отличные оценки, знания 27 были определены как хорошие, 17 – как посредственные¹⁰⁴.

Из 176 учлетов, допущенных к экзамену в Иваново, 47 человек получило по летной подготовке «отлично», «хорошо» – 127 человек, «посредственно» – 2 курсантов. По теоретической части «отлично» поставили лишь 13 учлетам, «хорошо» – 100 курсантам, 63 человека довольствовались оценкой «посредственно». По политической подготовке 22 учлета имели оценку «отлично», 80 – «хорошо», 72 – «посредственно», 1 – «слабо». Подсчитать средний балл в данном случае невозможно в виду отсутствия соответствующей информации (запись оценок производилась в форме «отлично», «хорошо» и т. п.)¹⁰⁵.

В обоих случаях комиссия указывала, что примечательно, на недоработку одних и тех же элемента полета. Большинство учлетов

¹⁰³ Драбкин А. Я дрался с асами люфтваффе... С. 100.

¹⁰⁴ ГАИО, Ф. Р – 2055. Оп. 2. Д. 140. Л. 4.

¹⁰⁵ Там же. Оп. 3. Д. 35. Л. 20 – 26.

продемонстрировали вывод машины из штопора без отдачи ручки и неправильное выполнение скольжения (дача обратной ноги при вводе). Дальнейшие изыскания показали, что на период 1939 – 1941 гг. обе ошибки отмечались (одновременно или по отдельности) при оценке подготовки летчиков большинства аэроклубов Верхнего Поволжья (исключения составили только Владимирский и Кинешемский). Таким образом, эти недоработки были своеобразным подчерком летной работы подготовленных в регионе пилотов¹⁰⁶.

Всего же по данным 10 указанных выше аэроклубов на тот же период средний показатель для курсантов по практической части экзамена составил 4,7 балла, по теоретической – 4, 3 балла. При этом наилучший среднестатистический результат (4, 9) получили кинешемские курсанты, а наименьший (4,2) – учлеты из Коврова. 5 баллов ровно получили человек 339 человек (приблизительно 33 % от общего числа), все прочие – оценку от 4 баллов включительно¹⁰⁷.

В данном случае наблюдался значительный рост показателей подготовки курсантов по сравнению с предшествующим периодом, когда учлеты получали на экзаменах преимущественно оценку «посредственно».¹⁰⁸

Стандартно же по итогам экзамена большинству курсантов, которые признавались по каким-либо причинам (не обязательно – по итоговым оценкам) не соответствующими требованиям приема в вузы ВВС, присваивались статус пилотов запаса и звание старшины. Часть их, признававшаяся наиболее перспективной, оставлялась решением комиссии на доучивание. Девушки, обучавшиеся в аэроклубах и также сдававшие экзамены, учитывались отдельно, так как не могли выступать в роли будущих курсантов летных школ ВВС. Окончившие курс обучения хорошо и отлично могли также получить от комиссии рекомендации к поступлению в

¹⁰⁶ ГАИО. Ф. Р – 2055. Оп. 2. Д. 164. Л. 112 – 125; Там же. Оп. 3. Д. 35. Л. 20 – 26.

¹⁰⁷ Там же. Оп. 2. Д. 164. Л. 112 – 125; ГАРФ. Ф. Р-8355. Оп. 5. 31. Л. 31 – 33.

¹⁰⁸ ГАИО. Ф. 2055. Оп. 2. Д. 33. Л. 43.

школу ВВС или школу подготовки летчиков-инструкторов Осоавиахима¹⁰⁹.

Наглядно подобное распределение отражает следующая таблица:

Таблица № 10

**Выпуск курсантов II очереди 1939 г. по аэроклубам Верхнего
Поволжья г.¹¹⁰**

Аэроклуб	Представлено к выпуску	Выпущено	Зачислено Кандидатами в школы ВВС	Оставлены в аэроклубе как не отвечающие требованиям приема в летные вузы ВВС	Оставлено на доучивание
Вичугский	46	46	28	17	—
Владимирский	73	73	58	9	—
Вязниковский	94	94	55	35	3
Ивановский	85	85	58	18	9
Кинешемский	43	43	28	13	—
Ковровский	50	45	21	20	5
Кольчугинский	47	47	23	24	—
Костромской	74	70	59	8	4
Рыбинский	69	69	58	6	2
Ярославский	124	124	69	49	—
Всего	705	696	451	199	23

Таким образом, более половины курсантов получили статус кандидата в школы ВВС. Большинство прочих учлетов также успешно закончили аэроклуб, став пилотами запаса. Незначительная часть курсантов (чуть более 3 %) была оставлена на доучивание, и приблизительно равное число учлетов

¹⁰⁹ Драбкин А. Я дрался на истребителе... С. 305; Евстигнеев К. А. Крылатая гвардия... С.28 – 30.

¹¹⁰ РГВА. Ф. – 29. Оп. 31. Д. 233. Л. 206.

выпустилось из аэроклуба неаттестованными. Также около 1 % курсантов было отчислено в процессе обучения.

Важно обратить внимание на то, что экстренных случаях система проведения экзамена менялась, как правило, в худшую сторону. В частности, на качестве оценки подготовки курсантов достаточно негативно отразилось решение провести 1 июля 1940 г. досрочный (на месяц раньше положенного срока) выпуск пилотов, предназначенных для комплектования летных вузов КА. Экзаменационные требования к выпускникам при этом были специально занижены. От курсантов требовалось закончить практическую часть программы обучения не ниже чем на «отлично» и «хорошо» и получить по теории не ниже чем «посредственно»¹¹¹. Все выпускники при этом разбивались на три категории: I – кандидаты в летные вузы ВВС (направлялись для дальнейшего обучения в школы и училища); II – успешно окончившие обучения учлеты, не соответствующие требованиям отбора по возрасту, образованию и социально-политическим данным (передавались в распоряжение ОСОАВИАХИМа); III – курсанты, окончившие аэроклубы с посредственными оценками (наиболее перспективные представители данной категории оставались в аэроклубе для доучивания)¹¹².

Приказ НКО № 037 от 14 марта 1940 г. внес определенные изменения в отношении организации выпускных экзаменов. Ранее не отвечающие требованиям приема в училища ВВС пилоты направлялись в несуществующий де-факто «запас ОСОАВИАХИМа». Теперь представители данной категории выпускников подлежали призыву в Красную Армию на общих основаниях¹¹³.

При этом анализ списков курсантов показал, что распределение на кандидатов в школу ВВС и пилотов запаса происходило в принципе без учета такого фактора, как оценки. На практике учлет, окончивший обучение

¹¹¹ РГВА. Ф. – 29. Оп. 31. Д. 231. Л. 2.

¹¹² Там же. Л. 3.

¹¹³ Там же. Д. 230. Л. 23.

на «хорошо» и «отлично», мог с равным успехом быть распределен как в число пилотов запаса, так и в кандидаты в школу ВВС.

К примеру, в составе пилотов тренировочного отряда при Ивановском аэроклубе, выпущенных в декабре 1939 г. (всего 31 человек), 13 человек имели отличные оценки по летной подготовке. Из их числа 10 имели оценку «хорошо» по теоретической подготовке, 2 – «посредственно» и 1 – «отлично». Таким образом, в плане оценок они находились в относительно равном положении. В итоге же 6 из них стали просто пилотами запаса, а 7 получили рекомендации к поступлению в школу ВВС. При этом в каждой из этих групп имелось по курсанту с удовлетворительной отметкой по теории¹¹⁴.

Мы выдвинули гипотезу, что распределение могло зависеть от налета курсантов, однако предпринятое исследование ее опровергло. В среднем показатель налета по группе составлял 26 часов. При этом отличники летной подготовки были в равной степени представлены как на полюсе наибольшего (равнялся 30 часам 27 минутам), так и наименьшего (составлял 21 час 35 минут) значением показателя проведенных в воздухе часов. К первому тяготели результаты 7, ко второму 6 – из них. Относительно равно в данном отношении и распределение кандидатов в школу ВВС: из 15 человек общий налет 8 тяготел к наибольшему показателю, 7 – к наименьшему. При этом у одного из них совокупный налет составлял всего 10 часов 41 минуту.

Отталкиваясь от данного результата, можно было бы предположить, что теоретические оценки имели приоритет перед полученными за практику. Однако в актах приемной комиссии оценки за полеты столь же часто снижали теоретическую оценку, как и наоборот.

У нас возникло предположение, что здесь возымел место пресловутый «классовый подход», однако абсолютное большинство курсантов-отличников (11 человек) занимали равное положение, так как происходили из рабочих и крестьян. Оставшиеся двое относились по данному критерию к служащим,

¹¹⁴ ГАИО. Ф. Р – 2055. Оп. 3. Д. 35. Л. 19, 20.

однако оба были зачислены в кандидаты в школу ВВС. Все учлеты при этом являлись комсомольцами, т. е. ни о какой дискриминации по социальному или партийному признаку речи не шло¹¹⁵.

На основании изложенных выше выводов, нами была выдвинута гипотеза, что при распределении имел место дифференцированный подход в отношении дальнейших планов учлетов на будущее. Было предположено, что желающие продолжать обучение летному делу в школе ВВС курсанты сообщали об этом комиссии, в то время как прочие выпускники указывали наличие иных планов на будущее. В соответствии с этим члены комиссии и распределяли учлетов по категориям. В пользу данной гипотезы свидетельствуют приводимые выше сведения о том, что этом учащаяся молодежь последних курсов изъявляла желание обучаться в аэроклубе, но ее сдерживала перспектива оказаться в дальнейшем в военной школе и лишиться возможности закончить образование по специальности. Возможно, сознательно направляя подготовленных на уровне кандидатов в школы ВВС курсантов в пилоты запаса, комиссии тем самым сознательно стимулировали студентов поступать на обучение в аэроклубы. К сожалению, в документах комиссии не был отмечен уровень образования каждого из курсантов, в силу чего мы не можем с абсолютной точностью подтвердить данную гипотезу.

В любом случае, необходимо подчеркнуть, что действия членов экзаменационной комиссии являлись прямым нарушением приказа НКО № 037 от 14 марта 1940 г., в котором прописывалось, что «всех выпускников, прошедших экзаменационные испытания» следует «направлять в летные школы».

Впрочем, даже получившие по итогам экзамена статус пилота запаса курсанты через некоторое время все же попадали в стены училища. Причина этого заключалась в том, что пилот запаса, будучи призванным в армию, в

¹¹⁵ ГАИО. Ф. Р – 2055. Оп. 3. Д. 35. Л. 19, 20.

обязательном порядке направлялся в летную школу, где, после прохождения мандатной и медицинской комиссий, продолжал свое обучение¹¹⁶.

Говоря о дальнейшей судьбе обученных в аэроклубах пилотов, необходимо указать, что на практике все же далеко не всегда выпускники, будучи призванными в армию, оказывались на летной работе. Начальник управления ВУЗ ГУ ВВС КА комдив А. А. Левин отмечал в одном из своих приказов, датируемых февралем 1940 г., что многие из призывников 1938 – 1939 гг., прошедших летную подготовку в аэроклубах, были по ошибке зачислены рядовыми бойцами в караульные роты школ младших авиационных специалистов, а также в прочие непрофильные подразделения технических и летнабовских учебных заведений ВВС. Данный приказ также содержал предписание немедленно отобрать всех красноармейцев и курсантов, имеющих аэроклубовскую подготовку, с образованием не ниже 7 классов средней школы и в возрасте не старше 26 лет, и провести их через медкомиссии. Признанных годными к летно-подъемной работе следовало направить в распоряжение командующих округов. Последним же предписывалось зачислить отобранный контингент в летные школы, распределив по группам в зависимости от степени подготовки¹¹⁷.

Ту же проблему, только уже в контексте Вооруженных Сил в целом, поднимал в одном из своих приказов, датируемых аналогичным периодом, начальник ВВС КА комкор Я. В. Смушкевич. Командующий отмечал, что в строевых частях наземных войск, караульных батальонах, в полковых школах и других подразделениях находятся на действительной военной службе рядовыми бойцами пилоты запаса, окончившие до службы в КА аэроклубы Осоавиахима. При этом подавляющее большинство из них отвечало всем требованиям приема в летные вузы ВВС и стремилось закончить свое летное обучение¹¹⁸. При этом командующий ВВС

¹¹⁶ РГВА. Ф. – 29. Оп. 31. Д. 229. Л. 7.

¹¹⁷ Там же. Л. 7.

¹¹⁸ Там же. Л. 8.

подчеркивал, что для укомплектования летных школ не хватает оставшихся в аэроклубах контингентов. Основываясь на этом, он предписывал дать указания штабам военных округов об отборе красноармейцев, которые прошли полный курс подготовки в аэроклубах, с образованием не ниже 7 классов и в возрасте не старше 26 лет, и направлении их в распоряжении командующих ВВС военных округов. В тексте приказа прописывалось, что последним «будут даны указания принять эти контингенты, пропустить их через медкомиссию и отвечающих всем требованиям приема направить в летные вузы ВВС КА»¹¹⁹.

В соответствии с данными приказами, к началу марта 1940 г. на местах было отобрано 566 человек. Из них 243 являлись красноармейцами и 323 – курсантами непрофильных вузов. После прохождения медицинской и мандатной комиссий 310 из них (приблизительно 55 %) были признанными соответствующими требованиям для обучения в школах ВВС. Большая часть отобранных аэроклубовцев (236 человек) отправилась в летные училища, в то время как 74 прошедших проверку пилота были оставлены в распоряжении штабов ВВС военных округов¹²⁰.

Однако данная проблема продолжала оставаться актуальной для командования ВВС и в дальнейшем, так как не была устранена ее главная причина – сбои в работе военкоматов. Уже в начале марта 1940 г. руководству Управления ВВС КА вновь пришлось проводить кампания по переводу из наземных частей красноармейцев-пилотов и заниматься организацией нештатных летных школ на 240 человек для отбора курсантов в летные вузы. Уже в первой декаде месяца в наземных частях было выявлено более 500 бывших учлетов с полным курсом подготовки пилота (при этом в документах сообщалось, что выявленные аэроклубовцы продолжают поступать). При этом командование проявило значительно более бережное отношение к кадрам – если ранее не прошедших отбора красноармейцев

¹¹⁹ РГВА. Ф. – 29. Оп. 31. Д. 229. Л. 8.

¹²⁰ Там же. Л. 174.

направляли обратно в строевые части, то теперь отсеянные пилоты проходили повторную отбраковку, по результатам которой часть из них зачислялась в школы воздушных стрелков, а наименее годные к летно-подъемной службе становились мотористами¹²¹.

Говоря о работе комиссий НКО, также следует упомянуть о крупном скандале, разразившемся в начале сентября 1940 г. Причиной его послужил тот факт, что в ряде аэроклубов комиссиями НКО при приеме курсантов I очереди значительная часть курсантов, окончивших полный курс обучения, по итогам экзаменов была направлена в «запас Осоавиахима», т. е. была признана несоответствующей требованиям для поступления в школы ВВС. В частности, подобные случаи имели место в Ярославском, Ивановском и Кольчугинском аэроклубах.

Представители руководства ОСОАВИАХИМа усматривали в качестве основной причины произошедшего именно тот факт, что в июне 1940 г. УВУЗ ВВС Красной Армии изменил порядок прикрепления 64 аэроклубов (в их числе – 8, расположенных на территории Верхнего Поволжья) к авиашколам. В результате представители летных училищ, принимая курсантов I очереди, не считались с тем, что контингент учлетов был утвержден командованием ранее прикрепленных авиашкол. Одновременно отмечалось, что имели место и иные проявления расточительного отношения к кадрам. В частности, при отборе кандидатов в истребительную авиацию, в случае несоответствия кандидата предъявляемым требованиям, курсанты зачислялись в запас, без рассмотрения вопроса о том, чтобы проверить их пригодность к обучению в школах ВВС прочих родов авиации (к примеру, подобное было отмечено в Кольчугинском аэроклубе)¹²².

В целом же можно отметить, что процесс обучения был выстроен в соответствии с принципом постепенности и учетом погодных условий, включал в себя достаточно продвинутый теоретический и практический

¹²¹ РГВА. Ф. – 29. Оп. 31. Д. 229. Л. 229.

¹²² Там же. Д. 233. Л. 20.

компоненты, что гарантировало в итоге усвоение курсантом навыков простого и сложного пилотажа на учебно-тренировочном самолете. В то же время можно отметить, что на подготовке курсантов зачастую негативно сказывались проблемы с материально-техническим обеспечением аэроклубов или же субъективный фактор в лице некомпетентных или недобросовестных инструкторов. Однако в целом большинство учлетов по уровню подготовки соответствовало требованиям к абитуриентам летных школ ВВС, о чем свидетельствуют, в частности, материалы экзаменационных комиссий, сформированных при активном участии военных авиаучилищ.

Летные происшествия как часть учебного процесса.

В процессе обучения зачастую допускалось «перескакивание» - переход к следующему упражнению без достаточной отработки предыдущего. Это, а также неудовлетворительная отработка взлета и посадки, являлось главной причиной достаточно высокого уровня аварийности. Кроме того, сказывался и технический фактор – летные происшествия происходили также по причине высокого износа техники и проблем, возникавших с ее ремонтом.

Важно подчеркнуть, что в предшествующий период аварии в аэроклубах Верхнего Поволжья происходили с недопустимо высокой частотой. Так, в 1935 г. аэроклубы Ивановской промышленной области заняли первое место по аварийности в СССР (всего было зафиксировано 77 аварий, из них 56 произошли по вине инструкторов, 21 – по вине курсантов).¹²³ (Для сравнения, за первое полугодие 1939 года по стране было зафиксировано 25 аварий (в аэроклубах ОСОАВИАХИМа), за первое полугодие 1940 года – 30¹²⁴). При этом в 25 % случаев причиной летных происшествий стала слабая техника пилотирования, и лишь в 19 % - по причине отказа техники.¹²⁵

¹²³ ГАИО. Ф. Р – 2055. Оп. 2. Д. 96. Л. 37; Шмелев. Летать на «отлично» // Рабочий край. 1935. 18 августа.

¹²⁴ ГАРФ. Ф. Р – 8355. Оп. 6. 303. Л. 7 – 8.

¹²⁵ Там же. Л. 37.

В то же время следует отметить, что во второй половине 1930-х гг. высокий уровень аварийности был характерен и для прочих ведущих авиационных держав. Так, в США в 1937 г. произошло 309 летных происшествий с участием учебных машин, в ходе которых погибло 30 пилотов и еще 17 получили тяжелые ранения. При этом в 37 % случаях вина за случившееся лежала непосредственно на летчиках. Для сравнения, по причине поломок мотора произошли лишь 7 % аварий, а из-за неблагоприятных погодных условий – 6 %¹²⁶.

На начало рассматриваемого периода уровень аварийности заметно снизился. В справке, составленной для ЦК ВКП (б) от 21 января 1940 г., отмечалось, что качество подготовки переменного летного состава аэроклубов постепенно улучшалось. Последнее выразилось, в частности, в изменении соотношения количества аварий и часов налета. Если в 1938 г. на 1 аварию приходилось 2 700 часов, проведенных в воздухе, то в 1939 г. данный показатель составлял уже 1 аварию на 5 500 часов¹²⁷.

Имели место и значимые улучшения в работе летных учебных заведений региона. Так, в аэроклубах Ярославской области за 1939 г. было зафиксировано всего 3 эпизода летных происшествий.¹²⁸ Ярославский аэроклуб вовсе безаварийно выполнил 100 % контрольного задания по подготовке летных кадров. Помимо того, важно отметить, что из перечня основных причин аварий, произошедших на территории Верхнего Поволжья, исчезли такие формулировки, как «неудовлетворительная летная подготовка летно-инструкторского состава» и «слабая техника пилотирования» (в отношении преподавателей).¹²⁹

Одновременно в предвоенный период заметно изменилось соотношение между виновниками летных происшествий – аварии

¹²⁶ Аварийность нерегулярной авиации // Самолет. 1939. № 13. С. 28.

¹²⁷ ГАРФ. Ф. Р – 8355. Оп. 5. Д. 38. Л. 6, 7.

¹²⁸ ЦДНІАО. Ф. 272. Оп. 224. Д. 296. Л. 21.

¹²⁹ ГАІО. Ф. Р – 2055. Оп. 2. Д. 96. Л. 35.

инструкторского состава теперь относились к инцидентам с участием курсантов как 4:1 (при том что лишь 16,7% инструкторских аварий происходило по причине неудовлетворительного пилотирования и отказа матчасти). При этом в дальнейшем ситуация принципиально не менялась – наибольшее число эпизодов летных происшествий происходило по вине инструкторского состава. Так, в приказе Центрального Совета от 10 марта 1941 г., охватывавшем период с 1 января по 10 марта, упоминались конкретные летные происшествия в 7 аэроклубах, и лишь в одном из них были виновны именно курсанты¹³⁰.

В основном аварии происходили во время внеаэродромных полетов. Причинами этого, помимо вышеперечисленных факторов, были факты выпуска пилотов без наличия метеорологической сводки в неблагоприятных погодных условиях, а также отсутствие на некоторых самолетах аэронавигационного оборудования: компаса, часов, указателя скольжения. Также авариями зачастую заканчивались вылеты без наличия карт. Проблему дополняли и случаи допуска к внеаэродромным полетам пилотов, не имеющих навыков вождения самолета по приборам и терявших при встрече с низкой облачностью, дождем или туманом. Числилось среди причин частых аварий и производство посадок на необследованные и малопригодные площадки. Но чаще всего (29,1% от общего числа происшествий) они являлись последствием «недисциплинированности и воздушного хулиганства». Примером тому были случаи, когда пилот совершал горки и крутые развороты на высоте 20 метров, бреющие полеты при подъеме с перегруженной задней кабиной, пикировал на колонну демонстрантов. Распространенными формами воздушного хулиганства также являлись «охота» за журавлями, «воздушные прогулки» к знакомым и выполнение фигур высшего пилотажа на высоте 10 – 15 метров¹³¹. Кроме

¹³⁰ ГАИО. Ф. Р – 2055. Оп. 3. Д. 41. Л. 73.

¹³¹ Там же. Оп. 2. Д. 71. Л. 126; ГАРФ. Ф. Р – 8355. Оп. 2. Д. 76. Л. 5; Златоцветов А. Е. Всемерно укреплять авиацию Осоавиахима // Самолет. 1939. № 2. С. 2.

того, вынужденные посадки и поломки зачастую происходили в результате «катания гостей»¹³².

В 1939 г. в Ивановском аэроклубе был зафиксирован инцидент, на который обратил внимание лично глава УВУЗ ВВС А. А. Левин. Курсант Яблоков вместо того, чтобы выполнять поставленное перед ним задание, полетел в деревню, в которой проживала его семья, и совершил в ее окрестностях посадку, попал в канаву и разбил самолет¹³³.

Помимо того, в качестве причины разного рода происшествий на аэродроме зачастую выступала также халатность инструкторов. Так, 31 января 1941 г. на аэродроме Ярославского аэроклуба инструктор Вакашимова при заруливании на линию старта пренебрегла правилами осмотрительности, в результате чего столкнулась с другими самолетами, повредила 2 из них и нанесла травмы курсанту Храброву, который оказался зажат между плоскостями машин¹³⁴. В 1939 г. в Рыбинском аэроклубе инструктор-летчик Бобровицкий при взлете преждевременно оторвал самолет от земли, в результате чего пилотируемый им У-2 зацепился за кустарник и потерпел аварию¹³⁵. Имели место и случаи, когда инструкторы, намереваясь исправить допущенную курсантом во время вывозного полета ошибку, грубо вмешивались в управление самолетом, совершая резкие движения ручкой. Весной 1941 г. подобная практика послужила причиной 2 катастроф, одна из которых произошла в Ярославском аэроклубе¹³⁶.

Также причиной аварии могло послужить пренебрежение руководства аэроклуба к технике безопасности. Так, в марте 1941 г. в ковровском аэроклубе имел место следующий эпизод. Во время третьего подряд полета инструктора А. С Фролова на одном и том же самолете «обрезало» мотор. Инструктор совершил удачную посадку, за которой последовала проверка

¹³² Златоцветов А. Е. Всемерно укреплять авиацию Осоавиахима // Самолет. 1939. № 2. С. 2.

¹³³ Левин А. А. Без аварий и происшествий // Самолет. 1939. № 10. С. 10.

¹³⁴ ГАИО. Ф. Р – 2055. Оп. 3. Д. 41. Л. 73.

¹³⁵ Левин А. А. Без аварий и происшествий // Самолет. 1939. № 10. С. 10.

¹³⁶ ГАРФ. Ф. Р – 8355. Оп. 6. Д. 100. Л. 121.

исправности мотора. Дефект так и не был обнаружен, однако начальник клуба В. М. Панов дал разрешение на еще один полет на той же машине. В результате мотор снова заглох и летчик был вынужден совершить аварийную посадку, которая, к счастью, обошлась без жертв и травм¹³⁷.

Зачастую летные происшествия полностью или частично становились возможными именно благодаря халатности авиатехников. Примером может служить эпизод с аварией 22 марта 1941 г. во Владимирском аэроклубе. Остановка двигателя в самолете командира отряда Довгарда произошла из-за того, что кто-то из обслуживающего персонала оставил в моторе кусочек замши, что привело к закупорке бензина в перекрестном кране. При этом техник, за которым был закреплен данный самолет, в день аварии отсутствовал на аэродроме, в результате чего к полету машину готовил техник другого звена¹³⁸.

Впрочем, в отдельных случаях субъективные причины летного происшествия могли и не быть связаны с чьей-либо халатностью или хулиганством. В качестве частного примера можно привести случай, произошедший в Ивановском аэроклубе в апреле 1941 г. Курсант Ю. В. Никулин во время самостоятельного полета при нормальном расчете на посадку подошел к земле на большой скорости и во время приземления резко потянул ручку на себя, в результате чего его самолет был разбит. Как выяснилось в ходе расследования, курсант спал накануне всего 3 – 4 часа и скрыл это от инструктора, по причине чего и утратил контроль над собственным телом при приземлении¹³⁹.

За летным происшествием часто следовали санкции не только по отношению к непосредственным виновникам, но и против руководства аэроклуба, а также регионального отдела авиации. К примеру, после эпизода

¹³⁷ ГАРФ. Ф. Р – 8355. Оп. 6. Д. 100. Л. 105.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ ГАИО. Ф. Р – 2055. Оп. 3. Д. 41. Л. 140.

22 марта во Владимирском аэроклубе был объявлен строгий выговор его начальнику Залесскому и главе областного отдела авиации Лужкину¹⁴⁰.

Помимо наказания виновников произошедшего, за летным происшествием следовали мероприятия по отработке тех элементов подготовки, владение которыми могло бы помочь предотвратить произошедший инцидент. Примером может упомянутая служить гибель командира одного из отрядов Владимирского аэроклуба Довгерда и последовавшие за ней события. В момент взлета на УТ – 1 командир, находясь на высоте, не превышающей 100 метров, почувствовал неполадки в работе мотора. Согласно требованиям параграфов 659 – 660 НПП-38 Довгерду следовало сесть на землю перед собой. Вместо этого он стал разворачиваться на 180 градусов, в результате чего самолет свалился на крыло и врезался в землю¹⁴¹.

В результате летно-технический состав, допущенный к использованию УТ – 1 и УТ – 2, был проверен на знание матчасти и техники пилотирования, в то время как прочие пилоты подверглись испытанию на умение имитировать вынужденную посадку при сдаче мотора на взлете на высоте до 100 метров на У – 2. Те из экзаменуемых, кто допускал нарушение параграфов 659 – 660 НПП-38, отстранялись от полетов до полного освоения¹⁴².

Следует отметить, что зимой 1940 – 1941 гг. динамика летных происшествий значительно возросла. Беспрецедентная практика летной подготовки курсантов в зимний период закономерно привела к росту летных происшествий и снижению темпов подготовки учлетов. В приказе Центрального Совета от 10 марта 1941 г. указывалось, что «за короткий период летной работы с курсантами дополнительного набора общее количество летных происшествий, при совершенно неудовлетворительном во

¹⁴⁰ ГАИО. Ф. Р – 2055. Оп. 3. Д. 41. Л. 105.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же.

многих аэроклубах выполнении плана подготовки курсантов, резко возросло». В документе также обращалось внимание на то, что значительная часть аэроклубов к началу марта производила полеты с курсантами только по 2 – 3 задачам КУЛПа-38. При этом в числе особо отстающих указывались и аэроклубы Ивановской области. Впрочем, следует отметить, что в этот список попало множество иных аэроклубов, действовавших на территории Грузии, Башкирии, Краснодарского края, Новосибирской области, некоторых областей Украины, а также в Ташкенте и Ереване¹⁴³. Особо следует отметить присутствие в этом перечне аэроклубов, действовавших на территории Белоруссии. Необходимо подчеркнуть, что предшествующий, 1939 г. прошел для Минского, Оршанского и Бобруйского аэроклубов без аварий, а Гомельский клуб даже отметил безаварийное 5-летие¹⁴⁴.

В качестве основных причин возникших проблем представители Центрального Совета называли неподготовленность ряда аэроклубов к работе в зимних условиях и непродуманное планирование летной работы, породившие частые опоздания с подготовкой матчасти, а также факты неиспользования улучшающейся погоды во второй половине дня¹⁴⁵.

При этом в отношении именно летных происшествий центральное руководство особо выделяло Ивановскую область, Башкирию, Тульскую область и Белоруссию. При этом, что примечательно, документы значительных происшествий на территории Ивановской области за январь – февраль 1941 г. не фиксируют. Согласно «Сводкам характерных летных происшествий в авиации Осоавиахима СССР и РСФСР» за данный период на территории страны произошло 19 эпизодов авиационных происшествий, и ни одного – в пределах Верхнего Поволжья. Первый зафиксированный в документах случай аварии на территории Ивановской области датируется 22

¹⁴³ ГАИО. Ф. Р – 2055. Оп. 3. Д. 41. Л. 73.

¹⁴⁴ Там же. Оп. 2. Д. 165. Л. 49; Там же. Оп. 3. Д. 41. Л. 73.

¹⁴⁵ Там же.

марта 1941 г., когда во Владимирском по причине отказа двигателя и нарушения требований НПП-38 погиб командир отряда Довгерд.¹⁴⁶

Что же касается в целом влияния летной практики зимы 1940 - 1941 гг. на аварийность в аэроклубах Верхнего Поволжья, то в целом можно отметить, что число аварий было относительно невелико. За январь 1941 г. в «Сводках характерных летных происшествий в авиации Осоавиахима СССР и РСФСР» зафиксировано 11 летных происшествий (5 из них – с участием курсантов), из них ни одного в пределах Верхнего Поволжья. При этом, впрочем, в других источниках упоминается авария в Ярославском аэроклубе в конце месяца. За февраль аналогичный показатель составил 8 эпизодов (4 – с участием курсантов), опять же ни одного – по Верхнему Поволжью¹⁴⁷. Для сравнения, только в Стерлитамакском аэроклубе (Башкирия) в первой половине января произошло 2 аварии и 3 вынужденные посадки. В Ижевском аэроклубе 16 февраля было зафиксировано сразу две аварии¹⁴⁸.

Показатель аварийности на территории региона был достаточно невысок и вначале – середине весны 1941 г., хотя в общесоюзных масштабах попрежнему отмечалось недопустимо высокое его значение. В марте произошло 8 случаев летных происшествий (3 – с участием курсантов). На территории Верхнего Поволжья произошло 2 инцидента, оба – без участия курсантов¹⁴⁹. В апреле-мае 1941 г. в аэроклубах СССР было зафиксировано 22 летных происшествия, из них 1 – на территории Верхнего Поволжья (Ивановский аэроклуб)¹⁵⁰.

Таким образом, несмотря на выказанное центральным руководством порицание, ситуация с ростом летных происшествий в Ивановской области, как и в целом по Верхнему Поволжью, заметно отличалась в лучшую сторону от целого ряда иных регионов СССР. На это косвенным образом

¹⁴⁶ ГАИО. Ф. Р – 2055. Оп. 3. Д. 41. Л. 73, 101 – 105.

¹⁴⁷ Там же. Л. 73, 101 – 105, 125, 128–130.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же. Л. 158; ГАРФ. Ф. Р – 8355. Оп. 6. Д. 100. Л. 89 – 94.

указывало и то обстоятельство, что начальнику ивановского областного отдела авиации Лужкину лишь «поставили на вид», в то время как главам Ташкентского и Ереванского аэроклубов был объявлен выговор, а руководству аэроклубов Белорусской и Грузинской ССР, Башкирской АССР, Краснодарского края, Новосибирской области и ряда регионов Украины было указано, что им объявят служебное несоответствие, если они в кратчайшие сроки не исправят выявленные недостатки¹⁵¹. При этом также следует отметить, что центральное руководство обратило внимание председателя облсовета ивановского ОСОАВИАХИМа Драгункина на недостаточную помощь аэроклубам по выполнению плана, подчеркивая тем самым, что ответственность за проблемы в организации подготовки курсантов нельзя возлагать только лишь на начальников аэроклубов и представителей местного отдела авиации¹⁵².

Частые аварии становились причиной временного ограничения использования в летной практике отдельных фигур сложного пилотажа. Так, 14 июня 1941 г. по аэроклубам была разослана директива, запрещающая производство на УТ – 2 во время учебно-тренировочных полетов следующих фигур: петли, иммельман, бочки и штопор¹⁵³.

Соответственно, в период 1939 – 1941 гг. в рамках региона Верхнего Поволжья наблюдалось сокращение аварийности, а также значительные изменения в плане причин возникновения летных происшествий. Если ранее в роль главного фактора, приводившего к авариям, выступал низкий уровень летных навыков переменного и постоянного летного состава, то теперь большая часть происшествий имела в своей основе случаи воздушного хулиганства или халатности, что свидетельствует о некотором росте пилотажного мастерства курсантов и инструкторов. Также следует подчеркнуть, что большая часть аварий происходила по вине

¹⁵¹ ГАРФ. Ф. Р – 8355. Оп. 6. Д. 100. Л. 74.

¹⁵² ГАИО. Ф. Р – 2055. Оп. 3. Д. 41. Л. 74.

¹⁵³ Там же. Л. 158.

преподавателей, без какого-либо участия со стороны курсантов, что опять же говорит о достаточно высоком уровне подготовки учлетов аэроклубов рассматриваемого региона.

* * *

Суммировав сказанное выше, мы приходим к выводу, что организацию процесса обучения переменного летного состава отличали продуманность, последовательность и частичная унификация с программой летных школ ВВС.

Процесс подготовки пилотов был организован с учетом возможности максимально эффективного использования благоприятных для летной практики погодных условий. Переход от теоретического обучения к практическому компоненту программы был плавным и подразумевал повторение и закрепление ранее освоенного материала. Количество часов и полетов, выделяемых на освоение элементов курса обучения, также было адекватно задаче подготовки пилота первоначального обучения. Использование аналогичной учебно-методической базы облегчало для курсантов в дальнейшем адаптацию к программе летных школ.

Можно отметить также, что по сравнению с предшествующим периодом уровень подготовки курсантов заметно вырос. В пользу этого свидетельствуют как формальные показатели (повышение среднего балла учлетов на экзаменах), так и результаты летной практики – число летных происшествий сократилось на порядок.

В то же время можно отметить, что в рассматриваемый период несоответствие нормативов контрольного задания реальным возможностям аэроклубов, усугублявшееся длительным нежеланием центрального руководства признать ошибочность собственной позиции и ростом проблем с обеспечением материально-технической базы работы аэроклубов, привели к сбоям в процессе подготовки переменного летного состава. Особенно ярко это отразилось посредством событий зимы 1940/1941 гг., когда упорное стремление представителей наркомата обороны к выполнению нормативов

подготовки привело к нецелесообразным затратам и без того ограниченных ресурсов аэроклубов без сколь-либо значимого полезного эффекта. Данный фактор также выступил основной причиной распространения приписок летных часов, «примиренчества» с ошибками курсантов и «перескакивания» при освоении задач и упражнений КУЛПА. Также можно обратить внимание на то, что практическая подготовка в аэроклубах значительно превосходила по качеству теоретическую.

При этом необходимо отметить, что возможность указанных недостатков в системе подготовки переменного летного состава на тот период была учтена представителями Управления ВВС Красной Армии, и существовали достаточно эффективные механизмы их нейтрализации. Так, поступив в летную школу ВВС, выпускник аэроклуба начинал свое обучение с повторения пройденного, закрепляя полученные ранее знания и навыки или же ликвидируя имеющиеся в них пробелы.

Белов С.И., к.и.н., ученый секретарь Музея Победы

Stalag XVIII-D (306) в Мариборе

Вторая мировая война по праву считается одной из наиболее трагичных страниц в истории человечества. События войны врезались в память как современников, так и потомков, не только благодаря масштабам жертв и разрушений. И очевидцев произошедшего, и тех, кому довелось ознакомиться с историей конфликта посредством книг и документов, поражает в первую очередь цинизм и полное отрицание морали, присущее военным преступникам. Перед их деяниями поблекли даже зверства, описанные на страницах средневековых хроник. Особенно поражает то, что фашистский террор зародился и вызрел в сердце народов, внесших бесценный вклад в мировую культуру. Последнее стало подтверждением печальной истины: даже самая прогрессивная нация может оступиться и свернуть на дорогу разрушения.

Именно по этой причине столь важно хранить память о трагических событиях Второй мировой войны. Память о бедах, постигших предков, должна уберечь потомков от повторения их ошибок.

Судьба военнопленных является одним из наиболее ярких и драматичных сюжетов в летописи войны. Особо значимое место занимает в рамках этой темы вопрос о судьбе военнослужащих стран антигитлеровской коалиции, оказавшихся в руках нацистского режима. Многие лагеря военнопленных мало отличались от Дахау и Освенцима. Жизни их узников ничего не значили для администрации, и в первую очередь это касалось пленников, поступивших с Восточного фронта.

Наглядным подтверждение этого служит история лагеря для военнопленных в Мариборе (известный как Stalag XVIII D). Он начал работать вскоре после капитуляции Югославии. По свидетельствам некоторых узников, он действовал уже в апреле 1940 г. Однако в документах немецких властей он впервые упоминается лишь 1 июня 1941 г.

Первоначально лагерь был создан для содержания попавших в плен военнослужащих Югославии – этнических сербов и словенцев, к которым впоследствии присоединились британцы. Выжившие узники лагеря утверждали, что среди их коллег по несчастью имелись греки и даже граждане США. Однако по данным администрации лагеря за 1 июня 1941 г. в Мариборе содержались лишь 3 838 граждан Югославии и 208 британских военнопленных. К 1 июля 1941 г. 1 июля 1941 года в лагере находилось 2 257 британцев и 2 220 югославских военнослужащих. В июле и сентябре 1941 г. в лагерь прибыли крупные партии военнопленных из Франции, в результате чего численность их контингента составила 6 987 человек.

Лагерь был создан на базе бывшего таможенного склада и армейских казарм. Гипотетически их можно было легко приспособить для содержания пленных в вполне сносных условиях. Однако уже в этот период администрация лагеря демонстрировала отсутствие какой-либо заботы о здоровье и жизни заключенных. Вновь прибывших могли по несколько дней содержать в стойлах для лошадей, отказывая при этом в предоставлении еды и питья. Нормы питания для «старожилов» лагеря откровенно не соответствовали любым представлениям о физиологическом минимуме, необходимом для поддержания здоровья. Один раз в день узник лагеря получал кусок кормовой свеклы и 100 г хлеба.

Представители Красного Креста, посетившие лагерь, обращали внимание на то, что гигиенические условия содержания военнопленных достойны лишь сожаления. Медицинское обслуживание узников также было поставлено на весьма низком уровне. В то время, как максимальная численность пленных в Мариборе периодически превышала 15 000 человек, администрация лагеря выделила для их обслуживания всего 3-х медиков: доктора-немца и 2-х пленных французов.

Пленники были обязаны ежедневно трудиться. Они были задействованы на строительстве и ремонте инфраструктуры, принимали участие в устранении последствий боевых действий и разминировании

территории. Тем, кому более всего везло, доставалось назначение работать на окрестных фермах. Впрочем, жесткие формы эксплуатации, антисанитария и хроническое недоедание резко ограничивали возможность использования труда заключенных. Так, по данным за 1 января 1942 г., работоспособность сохраняли лишь немногим более 60% узников.

Интересно отметить, что некоторое время (с апреля по июль 1941 г.) к лагерю военнопленных вплотную примыкала территория другого «конвейера репрессий» – сборочного лагеря для «неблагонадежных» словенцев, которых немецкие власти решили депортировать. Его узники проживали в южной части бывших армейских казарм. Таким образом, трагедия военнопленных оказалась сопряжена с ужасами депортации мирных жителей.

Советские военнопленные начали прибывать в Марибор осенью 1941 г. Первая их партия (приблизительно 3 300 человек) прибыла в лагерь в сентябре.

Лагерная администрация изначально ввела особый режим содержания для военнопленных, прибывших с Восточного фронта. Их разместили не в казармах, а на территории старого таможенного склада. Они не имели собственной кухни и даже примитивного туалета (что практически сразу же привело к вспышке эпидемии тифа). Советских военнопленных кормили так называемым «русским хлебом» (в который добавлялись солома и листья). Им также выдавали суп, сваренный с использованием неочищенного и, как правило, гнилого картофеля. Периодические избиения узников сотрудниками охраны являлись нормой и никак не наказывались.

Советских военнопленных также не допускали к получению гуманитарной помощи, передаваемой по линии Красного Креста. С 1943 г. прочие узники начали получать посылки исходя из норматива 2 пакета весом по 4 кг на 3-х человек. Советские солдаты и офицеры были лишены такой возможности.

Столь суровые условия содержания закономерно привели к росту смертности, необычайно высокому даже по стандартам лагеря для

военнопленных. Особенно тяжелой выдалась зима 1941/1942 гг. – пережить ее удалось лишь 500-м советским военнопленным.

Выживших впоследствии перебросили на работы в Австрию. Это, впрочем, не стало концом истории пребывания советских граждан в мариборском лагере. Новые партии пленных с Востока продолжали прибывать. Так, на 1 апреля 1942 г. количество солдат и командиров Красной армии, содержащихся в лагере, достигло 5 192. К 1 октября того же года их численность составляла 2 450.

Установить точную численность военнопленных-красноармейцев, погибших в Stalag XVIII D, в настоящий момент представляется невозможным.

На кладбище Марибора покоятся останки 1 819 советских военнопленных. Однако ознакомление с немецкими и советскими документами показывает, что общее количество погибших было заметно больше.

Большинство российских исследователей в своих выводах опираются на из сведения справки-отношения № 11145, составленной консульским управлением МИДа СССР. В этом документе упомянуты более 3 000 человек. Имена и фамилии 638 из них остаются неизвестными. При этом необходимо отметить, что в качестве места смерти жертв зачастую упоминаются другие лагеря. В любом случае, авторы дошедших до нас источников солидарны в одном – число погибших измерялось в тысячах человек¹.

Особо показательным в трагической истории советских военнопленных представляется решение вопроса об их захоронении. Уже осенью 1941 г, в связи с экстраординарным ростом смертей среди заключенных, руководство лагеря начало подбирать место захоронения для советских солдат. С этой целью представители администрации начали интересоваться у местных жителей, где они хоронят собак и прочих домашних животных. Им указали

¹ Донесения о безвозвратных потерях. <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=67385530&page=1>

на местность за оградой кладбища, где по традиции предавали земле осужденных преступников. Именно там и решено было хоронить погибших военнопленных. На роль могильщиков советских военнослужащих были выбраны их коллеги из числа их «коллег по несчастью» – французских и британских солдат.

В начале октября 1942 г. Stalag XVIII D прекратил свое существование как независимая административная единица, став структурным подразделением лагеря Stalag XVIII B (расположенного в г. Шпитталь-ан-дер-Драу, а затем переименованного в Stalag XVIII A / Z и перемещенного в г. Вагна в Австрии). В Мариборе осталась лишь часть рабочих команд. А после того, как весной 1943 г. Stalag XVIII B был перемещен из Каринтии в Нижнюю Австрию, пленных, оставшихся в Мариборе, переподчинили администрации Stalag XVIII A (Вольфсберг, Каринтия, южная Австрия). Свободу оставшимся в лагере узникам союзные войска принесли лишь в мае 1945 г.

История Stalag XVIII D наглядно иллюстрирует собой, что не нацистский «новый мировой порядок» народам Европы. И потому память погибших здесь военнопленных не подлежит забвению. Лагерь воплощает собой общую трагедию, объединяющую словенцев, сербов, русских, британцев, французозов и всех народов антигитлеровской коалиции. Она спланивает нас и не дает забыть об ошибках прошлого. Наша задача состоит в том, чтобы не дать угаснуть этому чувству. Чтобы решить эту задачу, необходимы коллективные усилия всех заинтересованных сторон. С одной стороны, следует обеспечить информированность широких слоев населения о событиях в Мариборе. С другой стороны, нужно художественными средствами создать череду ярких символов, сделать их частью регулярных мемориальных ритуалов и тем самым внедрить соответствующие представления в структуру идентичности народов. В противном случае нам придется пожинать плоды забвения трагедии прошлого в виде новых бед и испытаний.

Список литературы

1. Пилько Н. С. Словения в годы оккупации. 1941-1945 гг. Санкт-Петербург: Алетейя, 2009.
2. Druga svetovna vojna 2. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1981.
3. Ostrovška M. Kljub vsemu odpor. Maribor v času okupacije in narodnoosvobodilnega boja. Maribor: Obzorja, 1981.
4. Clarke H. V., Burgess C. Barbed Wire and Bamboo: Australian POWs in Europe, North Africa, Singapore, Thailand and Japan. St Leonards: Allen & Unwin, 1992.
5. Doyle R. C. Voices from Captivity: Interpreting the American POW Narrative. Lawrence: University of Kansas Press, 1994.
6. Levine A. J. Captivity, Flight, and Survival in World War II. Westport: Praeger Publishers, 2000.
7. MacKenzie, S.P. The Treatment of Prisoners of War in World War II // The Journal of Modern History. 1994. № 3. pp. 487-520.

Освободительный фронт словенского народа

Вскоре после завершения оккупации Югославии политическое руководство Германии и Италии провело т.н. «Венскую конференцию», в ходе которой решалась судьба захваченных территорий. В результате 31 мая 1941 г. стороны приняли окончательное решение относительно будущего словенских земель. Большая их часть отошла к Германии. «Третий рейх» приобрел территории Верхней, часть Нижней Крайны, а также Нижнюю Штирию. К Италии отошли Внутренняя Крайна и большинство земель Нижней Крайны вместе с Любляной. Венгрии достались словенская часть Междумурья и Прекомурье.

На захваченных землях немецкими оккупантами проводилась жесткая политика германизации, носившая выраженный репрессивный характер. Все географические названия, дорожные указатели, наименования улиц, магазинов, фирм и уличных вывесок на словенском были заменены на немецкие. Жителей обязали писать имена и фамилии только в соответствии с нормами немецкого правописания. Периодические издания на словенском языке оказались под запретом. Книги также разрешалось печатать исключительно на немецком языке. Уже вышедшие из печати тиражи газет и журналов, школьные и публичные библиотеки, составленные из книг на словенском языке, подверглись уничтожению. Молодежь в возрасте до 20 лет и детей в возрасте от 7 лет насильственно заставляли вступать в такие организации, как «Дойче югенд» и «Молодежь Каринтийского национального союза». Взрослые граждане, в свою очередь, были вынуждены вступать в «Штирийский отечественный союз» и «Каринтийский народный союз». Преподавание в учебных заведениях отныне осуществлялось исключительно на немецком языке. Подверглась гонениям и местная церковь. Большую часть священников подвергли аресту, а затем депортировали в Хорватию. Богослужения разрешалось вести только на

немецком языке. Духовные учебные заведения, такие как Высшая богословская школа в Мариборе, ликвидировались. В церквях разрешалось вести службу только на немецком языке. Церковная недвижимость подверглась секуляризации, а многие храмы были взорваны.

Также оккупанты широко использовали такой инструмент германизации, как депортация. Выселению из словенских земель подлежали: все без исключения представители национальной интеллигенции; словенцы, переселившиеся на оккупированные земли после 1914 г., население, проживавшее на территориях юго-западнее и северо-западнее Савы; обитатели Нижней Штирии, у которых слишком ярко просматривалась отсутствие «немецкой крови». Депортируемых извещали о выселении лишь за час до начала процесса (в случае семей с детьми – за 2 часа). Они могли взять с собой лишь кладь весом не более 50 кг, сменную одежду, пару белья и сумму в 200 динаров. При этом жертв депортации принуждали подписать документы, подтверждающие добровольную передачу своего имущества Германии. Только в течении 7 – 10 июля 1941 г. с оккупированных Германией словенских территорий было выслано около 7 тыс. человек.

Положение словенцев в зонах итальянской и венгерской оккупации также было весьма тяжелым. 11 апреля 1941 г. венгерские власти ввели в Прекомурье военное управление. Судебную власть осуществляли непосредственно военно-полевые суды, образованные 15 июля 1941 г. Началось постепенное вытеснение мелких производителей и создание крупных монополий по продаже шерсти, зерна и т. д. Для продолжения торговой деятельности владельцам магазинов и лавок следовало подтвердить свое «христианское происхождение» и доказать свою лояльность венгерскому правительству. Для населения был установлен хлебный паек в 160 г. на человека. Порционному распределению подлежали такие продукты, как мясо, жиры и сахар. Славянское население подвергалось унижениям и гонениям и обрекалось на гибель, поскольку найти работу по профессии в сложившихся условиях было нелегко. Незнание языка и славянское

происхождение лишали льгот, к словенцам относились, как к людям второго сорта.

В рамках политики мадьяризации Междумурья также практиковались депортации. В частности, к июню 1941 г. из региона были выселены 668 этнических словенцев. Причем в данном случае речь не шла о выселении в Сербию или Хорватию. Депортированных либо отправляли в концлагерь Сарвар, либо отправляли на принудительные работы в Венгрию и Германию.

В итальянской зоне 11 сентября 1941 г. был создан чрезвычайный военный суд, а также введена смертная казнь. Всего за время оккупации военными судами Италии было возбуждено 8737 дел против 13 186 словенцев. Из них 3082 человека приговорены к тридцати годам тюремного заключения.

Вполне закономерно, что уже в первые месяцы оккупации среди словенцев начало зарождаться движение сопротивления. Его организационной основой стал созданный 27 апреля 1941 г. Антиимпериалистический фронт словенского народа, 29 июня переименованный в Освободительный фронт. В роли его ведущей силы выступила силой была Коммунистическая партия Словении (далее – КПС), руководство которой сумело заключить альянс с христианскими социалистами и группой «Сокол», представлявшей демократическое крыло либералов. В состав фронта также вошло множество мелких организаций, таких как «Общество добровольцев», «Союз крестьянских юношей и девушек», Крестьянско-рабочая партия, группа «Старая правда», «Старая СНП» и т.д.

В сентябре 1941 г. был образован Словенский народно-освободительный комитет. На заседании в Столицах (Сербия), где присутствовали представители всех штабов партизанских отрядов Сербии, Боснии и Герцеговины, Хорватии и Словении, было решено начать организацию регулярных воинских частей. Совещание решило также преобразовать Главный штаб народно-освободительных партизанских

отрядов Югославии (НОПОЮ) в Верховный штаб НОПОЮ, а штабы в Сербии, Боснии и Герцеговине, Хорватии и Словении в главные штабы. За счет этого партизанские отряды, созданные Освободительным фронтом, были включены в структуру народно-освободительных отрядов Югославии.

В качестве основных целей Освободительного фронта, как декларировалось, выступали изгнание оккупантов и объединение словенцев в рамках единого политико-административного поля. Позднее эти цели были уточнены в ходе IV заседания Верховного пленума Освободительного Фронта, в ноябре 1941 г. В соответствии с его решением была принята программа движения, в рамках которой его основная цель была определена как ведение вооруженной борьба против оккупантов ради объединения всех словенцев. При этом разнообразные политические группы, входившие в состав фронта. Взяли на себя обязательство не вступать в открытые конфликты. Также было решено, что по завершению боевых действий власть в Словении должна перейти к Освободительному фронту.

С целью наладить финансирование движения был создан т.н. «Заем Свободы», представлявший собой форму сбора средств среди местного населения. Порядок рекрутирования новых членов был закреплен в своде правил, получивших название «Партизанский закон». Стать членом отряда мог любой человек вне зависимости от его политических взглядов, национальной либо религиозной принадлежности. Единственным условием вступления являлось согласие безоговорочно следовать приказам командира.

Точная численность членов Освободительного фронта не установлена. В некоторых изданиях фигурирует цифра свыше 600 тыс. человек, однако следует понимать, что в данном случае речь идет о послевоенном этапе развития организации. Вероятнее всего, в 1941 – 1943 гг. численность активных участников сопротивления колебалась в пределах 3 – 4 тыс. человек.

Тактика действий партизан и доступный им арсенал методов напрямую зависела от специфики положения на конкретной территории. В итальянской

зоне оккупации имелся благоприятный для партизанских действий рельеф местности, здесь компактно проживало преимущественно словенское население, ненавидевшее оккупантов. Политика итальянских властей первое время была сравнительно мягкой (по сравнению с порядками в немецкой и венгерской зонах). Благодаря этому партизаны здесь могли формировать крупные соединения на уровне батальонов и бригад, а также разнообразить проведение диверсионных акций нападениями на конвои противника.

В районах, оккупированных немцами, присутствовало чрезмерно высокое количество подразделений вермахта, местное население было охвачено сетью массовых организаций, осуществлявших в том числе функции контроля, а любые попытки сопротивления изначально подавлялись при помощи непропорционального применения силы. Местные партизаны изначально ограничивались проведением диверсий, однако в скором времени перешли к проведению атак на войска оккупантов. Что и стало в итоге причиной их гибели.

В венгерской зоне оккупации против развертывания партизанской борьбы сыграло наличие многочисленного мадьярского населения, в целом лояльного режиму, а также сам факт изначального ввода военного управления. Как результат, местные партизаны, малочисленные и плохо организованные, ограничивались преимущественно организацией подпольной агитации, уничтожали телефонные и телеграфные линии.

Наиболее успешно партизанские действия развернулись в Люблянской провинции. Уже к концу июня 1942 г. отряды Освободительного фронта контролировали более 60% ее территории. После капитуляции Италии 8 сентября 1943 г. войска Освободительного фронта совместно занялись разоружением итальянских частей и уничтожением коллаборационистов. Люблянская провинция была упразднена, Приморье вернулось в состав Югославии.

Менее удачно для партизан развернулись события в немецкой зоне оккупации. Бойцы освободительного фронта попытались создать в Верхней

Крайне «свободную территорию», которую можно было бы использовать в качестве базы для дальнейших операций. Немецкое командование отреагировало жестко и оперативно. Против партизан были брошены силы, на разных этапах в 4 – 8 раз превышавшие их собственные. В ходе карательных операций были сожжены 11 деревень. Дольше всех продержался Похорский батальон, в котором к ноябрю 1942 г. насчитывалось 100 человек. Против него были брошены полицейские формирования общей численностью 3 тыс. человек. В результате батальон был окружен и уничтожен в ходе 2-часового боя 8 января 1943 г.

В венгерской зоне оккупационным властям уже в сентябре 1941 г. удалось арестовать большинство руководителей подполья, в результате чего партизанское движение на территории региона вплоть до конца войны носило неорганизованный характер.

Эти неудачи не перечеркнули успехов Освободительного фронта, достигнутых в Приморье. Оккупанты так и не смогли вернуть себе контроль над этой территорией, превратившейся в базу для партизанских рейдов по удерживаемым немецкими войсками землям.

После завершения войны Освободительный фронт продолжил свою деятельность. В ходе его первого конгресса, проводившегося с 15 по 16 июля 1945 г., была утверждена новая программа послевоенного развития Словении. Как автономная структура фронт просуществовал до 1953 г., когда произошло его слияние с Социалистическим союзом рабочих народов Югославии.

В целом можно заключить, что Освободительный фронт сыграл ключевую роль в организации движения сопротивления в Словении. Создание этой структуры позволило консолидировать большую часть словенского общества перед лицом врага, обеспечить самостоятельное освобождение словенцами значительной части собственной территории и в конечном счете гарантировать республике достаточно широкую автономию в составе югославской федерации. История Освободительного фронта является

одним из ключевых элементов, формирующих идентичность народа Словении. И потому бережное отношение к ней выступает в качестве залога успешного и стабильного развития республики.

Список литературы

1. История Словении. СПб., 2011.
2. Пилько Н. С. Словения в годы оккупации. 1941-1945 гг. Санкт-Петербург, 2009.
3. Стругар В. Югославия в огне войны. 1941-1945. М., 1985.
4. Druga svetovna vojna 2. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1981.
5. Ferenc T. Nacistična raznarodovalna politika v Sloveniji v letih 1941-1945. Maribor, 1968.
6. Godina F. Prekmurje 1941-1945. Murska Sobota, 1967.
7. Kaplan G. Vrste in oblike nasilja madžarskega okupatorja. Ljubljana, 2002.
8. Okupacijske sistemi na Slovenskem. 1941-1945. Ljubljana, 1997.

Лицарева (Балашова) Александра Федоровна, руководитель музея «Имён связующая нить» ГБПОУ Колледж «Царицыно» (Москва)

Музей как транслятор знаний разных поколений

Привычная академичность музея, невозможность взять в руки экспонаты ради их сохранности, а также восприятие этих предметов как чего-то старого, безвозвратно ушедшего в прошлое нередко создают барьер между видением предметов ребёнком и огромным значением этой вещи для культуры. Например, один молодой человек долгие годы воспринимал старинную одежду в музеях как какие-то тряпки, а экскурсии как воинскую повинность, отвлекающую его от занятий любимой математикой.

Можно выделить два типа музеев, которые любят современные дети. Это, во-первых, музеи с компьютерными интерактивными технологиями, когда можно подойти к планшету и узнать интересующую тебя информацию. Прекрасные пример – выставки в Манеже и 57 павильоне ВДНХ о России, в Музее Победы. К сожалению, не все образовательные организации могут себе позволить такие технологии.

Во-вторых, это деревенские школьные музеи (иногда они занимают помещение в библиотеке, клубе или жилом доме), созданные энтузиастами, желающими сохранить память о культуре родной местности, об односельчанах. И вещи остаются на своей малой родине. Их дарят или продают незнакомцам односельчане. Порой с угрозой для жизни их выносят из готовых в любой момент рухнуть домов в заброшенных деревнях.

Во время фольклорных и диалектологических экспедиций я побывала во многих таких музеях. Здесь дети узнают предназначение вещей, которыми пользовались бабушки и дедушки. При мне мальчик, увидев *самовар*, закричал, что такой же *умывальник* есть у него дома. О первичной функции предмета он ранее не знал.

Важен контекст бытования того или иного предмета. Вместе с этим ребята приобщаются к музейной культуре как части общей культуры, учатся оценивать явления, искать причинно-следственные связи в истории. В таких музеях, как правило, разрешают брать экспонаты в руки, даже надевать старинную одежду, в т. ч. для фотосессий, когда девочки в старинных сарафанах вместо привычных джинсов представляют себя в ином времени. Вход и фотосъёмка бесплатны.

Как я уже говорила, не во всех музеях такое возможно. Иногда музей не вызывает интереса у представителей младшего поколения. Хотя и в наши дни он продолжает апеллировать к общекультурным ценностям, просвещает.

Музей «Имён связующая нить» колледжа «Царицыно» был открыт 25 апреля 2010 года. По своему профилю является историческим. Музей – это выставочный зал, в котором расположено 19 стендов и 5 витрин. Тематика экспозиции музея – знакомство с событиями Великой Отечественной войны, воспоминаниями ее участников. В письмах и документах отражен важный период отечественной истории. Экспонаты зала подлинные, а интерьер очень лаконичен. На открытии музея в 2010 году присутствовали живые свидетели и участники военных событий – герои и главные действующие лица очерков.

Важно, чтобы музей стал родным пространством для ребят, а не воспринимался как нечто абстрактное и далёкое от современности. Нужно уметь видеть в экспонатах связь с настоящим. В музее нашего колледжа нередко проходят занятия по литературе и истории, классные часы, что создаёт особую атмосферу на уроке. Он задействован в квесте по колледжу, проводимом для абитуриентов. В музее проходят занятия журналистикой.

Встречи представителей разных поколений, а также совместные мероприятия молодёжи и умудрённых опытом людей важны для уменьшения барьера между ними.

В колледже «Царицыно» среди мероприятий, которые я проводила в музее, – встречи с представителями разных поколений. Они, как правило, связаны или с патриотическим воспитанием, военной тематикой, или

профессиональной составляющей (у меня учатся будущие технологи продукции общественного питания и менеджеры ресторанов).

Желательны видео- и фотосъемка мероприятия, чтобы в дальнейшем материал можно было использовать при работе над проектами.

История нашего народа лучше воспринимается, если она лично касается каждого. Аналогичных примеров массовых случаев проявления героизма, самопожертвования нет в других странах. Воспитание происходит и на личных примерах гостей. Так, они описывают конкретные ситуации, в т. ч. когда человек должен был сделать выбор: воспоминания о военном детстве, взаимопомощи. Писатель, участник войны в Афганистане Н. А. Стародымов вспоминает, как голодные солдаты похоронили друга с куском хлеба, переборов чувство голода.

Где взять интересных людей? Прежде всего, помогут личные знакомства. С некоторыми интересными людьми я училась на одном факультете, с другими познакомилась во время выездных мероприятий, конкурсов. Иногда адрес электронной почты или номер телефона дают знакомые. Порой знаковые встречи происходят будто случайно, например, 9 Мая в Парке Горького. Разумно сотрудничать с ветеранскими организациями, поисковыми объединениями, писательскими и журналистскими организациями. Иногда адреса электронной почты нужных людей можно найти в Интернете, прежде всего, в соцсетях.

Многие такие вечера становятся основой для интересных проектов, в т. ч. тех, с защитой которых ребята выступают на внутриколледжной научной конференции. Издательский проект «Локальные войны: люди, события и судьбы» (под ред. А. Ф. Балашовой) начался с таких встреч в музее. Ведется работа над проектом «Летопись колледжа». Она началась со встречи в музее его актива с ветеранами педагогического труда. С проектом «Persona grata» под моим руководством студенты выступили на научной конференции.

Это встреча со сценаристом телепередачи «Еда живая и мёртвая» Татьяной Щербаковой (беседа о здоровом питании), ежегодные беседы с

руководителем поискового отряда «Катюша» Иваном Власовым¹. Тем более, что один из последних экспонатов передан в музей колледжа студенткой, участницей поисковых экспедиций, присутствовавшей на встрече². Также проходят встречи с ветеранами труда, классный час в формате чаепития, мастер-класс по ораторскому искусству, встреча с представителями фонда «Братство внутренних войск», встречи с писательницей М. М. Веселовской-Томаш, традиционные встречи с писателями, участниками войны в Афганистане Н. А. Стародымовым и Х. С. Бедретдиновым, различные музейные субботы, кинолектории.

Все отмечают камерность встречи, душевность, в этом заслуга и атмосферы музея. Преимущество проведения мероприятия в этой аудитории – возможность без микрофона задать вопрос, ответить, рассказать. Если в музее оказывается необходима дополнительная техника, специалисты её приносят (например, для писательницы, у которой проблемы со слухом, микрофон).

Данные мероприятия способствуют формированию гражданственности, патриотическому воспитанию, подробнее знакомят студентов с историей и культурой родной страны, т. е. просвещают, а также помогают развивать профессиональные компетенции, способствуя развитию интереса к выбранной специальности (если это встреча с человеком из сферы

¹ В связи с тем, что в музее есть предметы, которые были подарены поисковиками, в т. ч. студентами колледжа, состоялось несколько встреч с руководителем поискового отряда «Катюша» Иваном Игоревичем Власовым. Если на единый классный час, презентация сборника, книги ветерана или издательский проект колледжа всех собирают в актовом зале (из-за размеров помещения), чаепития после его окончания всё равно проходят в музее.

² Студентка **Ангелина Кравцова** принесла *рубаишку* от гранаты. Рассказала, что снимали *рубаишку*, когда был ближний бой, чтобы не попасть в *своих*. Работала она в составе поискового отряда «Рубеж» поискового объединения «Память» в 2015 г. под Подольском. **Беляев Виктор Борисович**, Президент Национальной Ассоциации Кулинаров России, принёс экспонат – кусок кирпича, который горел при обороне Брестской крепости. Уроки мужества стали традицией колледжа. Рассказы об уникальных экспонатах – тема отдельных встреч.

гостеприимства), усиливает мотивацию к профессиональному обучению, что способствует самореализации в выбранном виде деятельности. Рассказы приглашаемых людей соответствуют социальному опыту обучающихся, затрагивают их эмоции.

Я стараюсь чаще приглашать не только представителей старшего поколения, но и молодых людей, профессионалов в той или иной сфере, т. к. полученную от них информацию легче воспринимают. Например, руководитель поискового отряда старше ребят максимум лет на 10.

Некоторые мероприятия приходится переносить в актовый зал, чтобы посетить их смогло больше желающих. Среди них – встреча с директором фонда «Старость в радость» *Елизаветой Олескиной* и координатором фонда *Ольгой Приходько*, встреча с дуэтом «Русская душа», встреча с писательницей Марией Семёновной Галиной, встреча с ветераном Великой Отечественной войны Леонидом Ивановичем Рогалем и ветераном педагогического труда Галиной Васильевной Володиной, единые музейные уроки, мероприятие ко Дню народного единства «Это Родина моя».

Презентация сборника «Локальные войны: люди, события и судьбы» (получившего 1 место в международном интернет-конкурсе «Страница семейной славы») под моей редакцией также прошла в актовом зале. Эта книга продолжает линию преемственности традиций колледжа.

Уникальность нашего музея состоит в том, что в основу его создания легли издательские проекты о Великой Отечественной войне. В очерках и рассказах, авторами которых являются студенты, преподаватели и сотрудники колледжа, содержатся воспоминания о родственниках, воевавших на фронте и трудившихся в тылу, о людях, которые прошли трудный и героический путь войны; подлинные письма, фотографии героев, их документы. А теперь речь идёт и о локальных войнах. Тем, кто присылал рассказы о воевавших родных, настоятельно рекомендовалось познакомиться с вопросниками Е. С. Сенявской, что студенты и делали.

В музее «Имён связующая нить» колледжа «Царицыно» проводятся классные часы, уроки мужества, экскурсии, профориентационные мероприятия, тематические встречи с ветеранами войны и труда, конференции и круглые столы. Музей оказывает помощь студентам при написании рефератов, докладов, подготовке презентаций.

Воспитательный потенциал музея более полно можно раскрыть не только благодаря проведению экскурсий, но и во время встреч с интересными людьми. Так, музей обеспечивает связь поколений, в т. ч. в рамках отдельно взятой организации.

Сама атмосфера способствует иному восприятию информации. Так, в музее «Имён связующая нить» многие входят с трепетом, ведь со стен смотрят родные: родители, бабушки и дедушки. «Работа в музее позволяет подростку посмотреть на привычную реальность глазами другого»³.

В последние годы в рамках образовательной деятельности постоянно используется междисциплинарный подход. Среди классных часов, которые проводили на базе музея, немало тем, которые проводятся сразу по нескольким дисциплинам. Прежде всего, это литература и история, литература и музыка, литература и кинематография, история и английский язык, русский язык и обществознание.

Форматы проведения встреч: беседа, дискуссия, реже – лекция, мастер-класс, ролевая игра. Иногда классные часы проходят в формате чаепития.

Важна возможность высказаться, поведать о своём восприятии ситуации, проблемы, о своём жизненном опыте, рассказать о своих воевавших родных, семейных реликвиях, прочитав наизусть стихотворение, которое подходит к ситуации и выражает мироощущение студента в данный момент.

³ Пластинина Л. В. Роль школьного музея в условиях многонациональной школы // Актуальные проблемы теории и практики нравственного воспитания молодёжи. Сборник научных статей по результатам реализации грантового проекта «Духовно-нравственное воспитание молодёжи г. Кирова», победителя конкурса социальных инициатив молодёжи 2006 г. / Отв. редактор, сост. В. А. Сахаров. – Киров, 2006. С. 54.

Студенты получают возможность на равных с присутствующими на мероприятии педагогами, гостями поделиться впечатлениями; ощутить себя частью эпохи. Поработать с копиями солдатских писем: прочитать, обсудить, обратить внимание на почерк, вежливое и уважительное обращение на Вы к родителям. В конце мероприятий обычно кто-то из студентов подводит итоги, все желающие делятся впечатлениями.

После всех мероприятий желающие студенты пишут отзывы для размещения на сайте колледжа и для газеты «Царицынская волна» (http://collegetsaritsyno.mskobr.ru/gazeta_caricynskaya_volna), в которой также активно освещается музейная деятельность. Увиденное должно восприниматься как только что прожитое.

Нередко за активную работу во внеурочное время предусматриваю призы студентам, абитуриентам и другим гостям: чаще всего, это книги со стихами на военную тематику, предметы с символикой колледжа, сладости.

Основные принципы проведения занятия:

- Открытость: информация после проведения мероприятия размещается на сайте; анонсы можно увидеть на сайте, в соцсетях, в объявлениях, в рассылке по электронной почте.
- Интерактивность: обязательно наличие обратной связи.
- Метапредметность: важно обращение к музейным экспонатам.

Таким образом, школьный музей в наши дни аккумулирует информацию о различных событиях, связанных с теми, кто учится или работает в данном заведении. А проведение встреч с представителями разных поколений в музее образовательной организации формирует чувства гражданственности и патриотизма, воспитывает ощущение личной сопричастности к историческим событиям. Главное – чтобы музей воспринимался как своё, родное пространство, которое мотивирует созидать. И тогда барьер между восприятием событий разных лет будет меньше.